

МИСТЕР ТОМПКИНС ОХОТИТСЯ НА ЭНТРОПИЮ

Книга вторая

VI

.....

За грядой свежих скал оказалась обширная равнина, сплошь покрытая гладкими черными буграми самых разных размеров — от яблока до полутора метров в диаметре. Идти по ним было трудно — не то шагать, не то прыгать — к тому же они были скользкие. Вывихнуть тут ногу была пара пустяков, хотя издали равнина казалась гладкой и удобной. — Понастроили, — сказал Профессор, останавливаясь и переводя дыхание. Они отпрыгали уже порядочно от того места, где раньше был берег. — Что вы сказали, господин Профессор? — сказал мистер Томпкинс, тоже останавливаясь. На ходу разговаривать было никак невозможно. — Да вот, — сказал Профессор, топнув по верхушке черного полушария, на котором он стоял. — Строматолиты, будь они неладны... — Разве их кто-нибудь построил? — сказал мистер Томпкинс. — Как же, — сказал Профессор, — сине-зеленые. Они, видите ли, собирались стать многоклеточным организмом. Путешественники уже двинулись было дальше, как вдруг Профессор увидел в ямке между строматолитами яркий папиросный коробок. — Ого! — сказал Профессор, — здесь кто-то недавно был. Коробка распечатана. Любопытно, кто бы? А это что за бутылочка? — Значит, здесь прошел отличный студент, — сказал мистер Томпкинс. — Почему вы так думаете? — сказал Профессор. — Потому что, — сказал мистер Томпкинс, — Каждый Отличный Студент Должен Курить Папиросы. А это — четвертинка. — Что это, — сказал Профессор, — реклама? — Это такое правило, — сказал мистер Томпкинс. — Мистер Томпкинс, — сказал Профессор, — я вас не понимаю. Среди моих студентов были отличники, но все, насколько я помню, курили сигареты. — Это правило, — сказал мистер Томпкинс, — не обязательно выполнять. Важно его знать. — Объяснитесь, мистер Томпкинс, — сказал Профессор. — Не могу, — сказал мистер Томпкинс, — я сам был студентом не так давно. Очень редко бывает так, что студенты знают что-то, а преподаватели нет. Но бывает, как видите. Профессор пронзительно посмотрел на мистера Томпкинса, но ничего не сказал и открыл коробочку. В ней были три папиросы и свернутая в трубочку полоска бумаги размером точно с папиросу. — Посмотрим, — сказал Профессор и развернул бумажку.

три смелых зверолова
арканили зверей
ласкал их ветер суровый
как северный борей

латунные забрала
венчают их чела
луженые кинжалы
дамасская стрела

Эта глава самая важная и поэтому написана так, что ее почти нельзя прочесть и понять. Это поэма в прозе с таким вычурным форматированием, что картинку никакую не вставишь. Одна из первых читательниц говорила, что у нее слезы выступали от ритма... ну-ну, может быть. В этой части речь идет о ЖИЗНИ... Жизнь — единственное начало, единственная сила, способная противостоять Энтропии. В самый момент возникновения неразличимый комочек слизи бросил вызов косной материи Вселенной...

жестокий предводитель
командует: вперед!
эй, братья! выходите!
живее мне построить
французского покроя
фанерный самолет!

тут место незнакомо
вином не встретят нас
навстречу нас встречает
московский князь Джакомо
гжик-гжик - клинок сверкает
урочный пробил час

садитесь на кентавров!
артикул на плечо!
купить победных лавров!
канальство! где литавры?
тащите их еще!

скакали в бой как ветер
а наземь полегли
ладони их в пыли
казарма их не встретит
но жив остался третий —
Рэтклиф, барон Дали.

герой сверкает взглядом
сияет блеск приклада
ложись! сейчас убьют!
пли! но Джакомо злобный
достав пистоль огромный
торжественно сказал:
а-а, лентяй, попался!
бай-бах! он закачался
бат-бах! и он упал.
кентавр стоит унылый
о круг его могилы
китайские цикады
тихонечко поют

вам песенка пропета
годится ли вот эта
баллада неоком?
аптекарь и ботаник!
алхимик и племянник!
цените труд поэта!
тут двери отворились
коньяк несут и ром.
садитесь! стол накрыт
камин огнем горит
махнул орел крылом.

Был ли он создан (нам кажется, да) или возник
неотвратно-закономерно в процессе раскручивания
единожды запущенной спирали Бытия?

Мы стоим сейчас у подножия шаткой лестницы
Ламарка, и для нас (для наших странников) один
только путь: вперед и выше, сколько хватит сил и
сверх сил.

Тогда как раз моя дочь сдавала палеонтологию и
принесла запоминалку про Отличного студента, для
экзамена. Ну, Кембрий-Ордовик-Силур можно и так
запомнить, это, так сказать, пролеты лестниц; а вот
ступеньки? Их много, между ними нет крупных
маркеров: земноводные, папоротники, динозавры.
На «слабо» с собой я сочинила вот эту героическую
балладу. Сложность в том, что нужны были две
первые буквы. Приведу здесь расшифровку, вдруг
кому понадобится (начинается снизу):

Тремадок, Арениг, Лландейло, Карадок, Лландовери,
Венлок, Лудлов, Даунтон,
Жедин, Кобленц, Эйфель, Живет, Франкский,
Фамен,
Турнэ, Визе, Намюр, Москва, Гжель, Урал,
Сакмарский, Артинский, Кунгурский, Казанский,
Татарский,
Скифский, Анизийский, Ладинский, Карнийский,
Норийский, Рэт,
Геттанг, Синемюр, Лотарингия, Плинсбах, Домер,
Тоар, Аален, Байос, Бат, Келловой, Оксфорд,
Киммеридж, Титон,
Валанжин, Готерив, Баррем (Неоком), Апт, Альб,
Ценоман, Турон, Коньяк, Сантон, Кампан,
Маастрихт.

Махнул орел крылом — аллюзия на песню Хвоста:

Орел на грифе машет крылом

Прощай, моя гитара...

Начиналась она «Забыть, забыть немедля...»

Вот и добрались до Верхнего мела! Энтропия таится
от солнца в рощах древовидных папоротников, сосен
и цветущих магнолий.

— Различия в подходах виталистической и
механистической школы мне понятны, но какое
отношение все имеет к солнечным лучам и росту
растений?

— Самое непосредственное. На первый взгляд
кажется, будто все живые организмы нарушают один
из наиболее фундаментальных законов физики —
закон возрастания Энтропии. *Г.Гамов.*

Её еще попирают хищные тероподы Мегалозавры,
но уже прозвучал в небе призывный клич почти
птицы, похожей на гуся — *энанциорниса...*

— Прелестные стихи, — сказал Профессор, — но к студентам это явно не имеет отношения, не так ли, мистер Томпкинс?

На лице мистера Томпкинса было одно молчаливое упорство.

— Вижу, что имеет, — сказал Профессор. — Учтите, мистер Томпкинс: если я сам расшифрую этот документ, то смогу располагать полученной информацией по собственному усмотрению; но, получив сведения от вас, я буду связан определенными обязательствами.

— Ярусы, — сказал мистер Томпкинс.

— Что? — сказал Профессор. Потом посмотрел еще раз на стишок и расхохотался. — Как же я сразу не понял! Вот же — московский, аален, бат, коньяк. Другие по две первые буквы: три — ТРемадок, АРканили — арениг... А загадочная фраза про папиросы — это, очевидно: Кембрий, Ордовик, Силур...

— Правильно, — сказал мистер Томпкинс.

— Папиросы — Пермь, понятно. А дальше? Чет-вер-тинка? Четверть литра?

Четвертичный период, я прав? А где Триас, Юра́?

— Понимаете, одного юношу так и звали — Юра, или Юри...

— Странное имя.

— Да, и он принес в этой бутылочке спиртное... А они говорят: ты, Юра, молодец, принес нам...

— Триас, Юра, Мел, Палеоген, Неоген, Четвертичка! Восхитительно просто, забавно, остро. Признаюсь, сначала вы меня несколько озадачили. Что ж, идем?

И они пошли туда, где на горизонте, на краю равнины, туманная темная полоса не казалась уже грядой облаков, а была далекой горной цепью. На закате они пришли к подножию необозримо огромной каменной стены, которая простиралась вправо и влево, сколько видел глаз, и вздымалась ввысь мощными уступами. И разложили костер и заночевали здесь.

О ВЫ НЕДРЕМЛЮЩИЕ ОЧИ ХРАНЯЩИЕ НЕБЕСНЫЙ ГРАД

ВЫШЛА ИЗ МРАКА МЛАДАЯ С ПЕРСТАМИ ПУРПУРНЫМИ ЭОС

И они начали подъем по твердому склону, усеянному обломками каменных глыб.

— Какая сохранность, — сказал Профессор и щелкнул ногтем по головному щитку панциря трилобита, вмурованного в глыбу песчаника. — Я памятник себе воздвиг. Как броня эта штука не оправдала расходов — посмотрите, бедняжка свернулся шариком, да так и погиб. Зато саркофаг получился отменный. Полмиллиарда лет в камне пролежал, с материками океан переплывал, с земной корой опускался и поднимался и нас с вами переживет. А ведь бедная тварь эту чудовищную прочность создала буквально потом и кровью, как родилась, так и начала строить себе гробницу, словно фараон египетский. Тот хоть не сам. А этот еще линял каждый год и все начинал заново, а сам пока оставался голенький. Разумно ли? Избыточность, ах какая избыточность... И это в мире, где за лишний джоуль родной матери глотку перегрызут.

Темнеет. Пройдена первая ступень. Узкий горизонтальный уступ. Над ним снова каменная стена. На завтра.

Ночлег у костра. Мистер Томпкинс, глядя в пустое небо, думал о трилобите — как он, голенький, прятался в каких-нибудь ракушках. Мистер Томпкинс не знал, от кого он должен был прятаться. И кого он сам, трилобит, ел — тоже не знал. Он хотел вспомнить и не вспомнил. Это было так давно. И уснул.

О ВЫ ЧИСТЫЕ ЗВЕЗДЫ

ЗЛАТОЙ УЖЕ ДЕННИЦЫ ПЕРСТ ЗАВЕСУ НЕБА ВСКРЫЛ С ЗВЕЗДАМИ

— Какое красивое растение, — сказал мистер Томпкинс, — то есть это, наверно, не растение, да, господин Профессор?

— Разумеется, — сказал Профессор, — это *Stinoidea*. Представьте целый лес таких существ в теплых водах литорали, равномерно насыщенных светом. Колышутся перистые венчики на длинных стеблях, проплывают стеклянные медузы... Разумеется, это беспредельно красиво.

— А красота, — сказал мистер Томпкинс, — это тоже, как вы говорили, избыточный признак? Лишнее бремя для организма?

— Я мог бы сказать, — сказал Профессор, — что данный организм не был красив изначально, а стал таким в тот миг, как вы на него посмотрели. Но это уже мистика — предполагать способность к метаморфозу организма, сотни лет мертвого. Можно было бы успокоиться на тривиальной мысли, что красота — это субъективное удовольствие от интуитивно ощущаемой пресловутой функциональности, т.е. соответствия строения объекта, в частности его внешней формы, его назначению. Это уж вовсе вздор. Живое всегда функционально и всегда для своей должности годится, иначе его живо слопают. Тогда все живое должно быть равномерно прекрасно: клопы, гиены и стервятники не меньше, чем благородные олени, бабочки и розы. Скорее всего красота — это некое свойство материи, возникающее, как и прочие свойства — протяженность, температура, цвет, — не ниже определенного порога организации. Но красота — не бремя, это легкий дар, нейтральный или счастливый. А то, знаете, эти разговоры о бремени красоты, бремени таланта... Декадентство какое-то.

КТО ОБИТАЕТ В СВЕТЛОМ ДОМЕ ВЫШЕ ЗВЕЗД?

РАССВЕТ

— В каждом подразделении животного царства, — сказал Профессор, — неизбежно рано или поздно возникала ветвь панцирных, подобно тому, как среди рыб — такие, как мы видим, костяные танки. И всегда-то эти броненосцы страдали своей неповоротливостью — и в прямом смысле, и в смысле эволюционном. Они не осваивали новых территорий, на старых их активно теснили мягкотелые, но шустрые родичи. Генетически они были непластичны. Кое-кто из этих великолепных катафрактариев дожил до наших дней, но, кажется, лишь для того, чтобы стать персонажем карикатур и анекдотов. Какой пример для нас являет это! Какой урок! Вы, кажется, хотите что-то спросить, мистер Томпкинс?

— Если позволите, — сказал мистер Томпкинс. — Вы говорите — во всех подразделениях? Я что-то не вспомню: а были панцирные птицы?

— Палеонтологическая летопись неполна, — сказал Профессор, — панцирных птиц пока не нашли.

Ночью на привале, почти уже заснув под полной луной, мистер Томпкинс вдруг тихо засмеялся.

— Когда-то в школе, — сказал он, — мы проходили теорию множеств. И надо же, из всей этой науки я запомнил загадочную фразу: «Множество белых лошадей, которые бродят по луне, пусто». Что бы это значило?

— Луна не пуста, — сказал сэр Ричард, —
По ней бродит множество
Белых лошадей.

И СЕ УЖЕ РУКОЙ БАГРЯНОЙ ВРАТА ОТВЕРЗЛА В МИР ЗАРЯ

— Еще никто, — сказал Профессор, — не называл меня сентиментальным.
Он сказал это после полудня, рассматривая на камне отпечаток чего-то в виде двух
спирально скрученных усиков.

— Да... Но когда я вижу вот это... честное слово, мне хочется что-нибудь сделать. Ну...
снять шляпу, или почтить минутой, или даже... не смейтесь, пожалуйста,.. встать на
колени, что ли...

Никто и не смеялся.

— А что это? — сказал мистер Томпкинс.

— Растение, — торжественно сказал Профессор.

— Вот это? — сказал мистер Томпкинс.

— Вот это мелкое сосудистое тайнобрачное растение, столь невзрачное на вид,
принадлежит к давно вымершей группе Psilophytales, первых наземных растений. Без
имени, бедные, но прекрасные, они были началом всей земной флоры. Мистер Томпкинс!
Представьте себе, что было до них, только попытайтесь представить землю без всякой
растительности! Не правда ли, при слове ПРИРОДА мы вспоминаем шумящий листьями
лес? Подумайте, что значат они в нашей жизни, и что мы, безумные, с ними творим! Разве
вы не испытываете стыда за себя и благоговения перед их величием? Прекрасные,
деятельные, щедрые и безмолвные — это ли не предел совершенства? Одно-единственное
растение может создать Рай — и один человек может его погубить!

И НОЧИ И ПЕЧАЛИ ТЕНЬ

Мистер Томпкинс, непривычный к долгим восхождениям, сильно устал. Усталость
сводила мышцы, грызла кости, сухим ядовитым песком жгла бронхи. Но он дал себе
слово, что его спутники — Профессор, чье коренастое плотное тело по соотношению
массы и скрытой энергии было сравнимо разве что с ядерной бомбой, и сэр Ричард, для
которого усталость была абстрактным понятием — не услышат от него ни слова жалобы.

Но блаженство привала! Алое сердце костра, расточающее больше тепла, чем сырая
холодная среда успевает поглотить и рассеять! Древнейший из всех домов, ты исчезаешь
каждое утро, чтобы вечером воздвигнуться вновь — там, где нас еще нет! Стены твои —
наши спины; вечное небо — твой потолок, о мгновенный приют! Едва лишь нетерпеливо
покинутый утром, ненужный, в тысячный раз забытый — ты в тот же миг становишься
целью долгого героического дня, малым и ярким символом Единой и Великой, но, увы! не
столь, как ты, внятной цели!

Костер горит на узком горизонтальном выступе скалы. Мистер Томпкинс сидит, опираясь
спиной на каменный склон — завтрашнее свое мучительное испытание; но сейчас это
спинка дивана. Все тело у него болит и гудит; но ведь двигаться больше не надо — какое
счастье! О, если бы всегда причины наших чувств и переживаний были так же доступны
для анализа и объяснения, как в данном случае! Блаженное состояние мистера Томпкинса
объясняется тем, что в его организме ликвидируется кислородная задолженность.

Целый долгий день кислород
OXYGENIUM
O₂

Во влажных альвеолах судорожно расширяющихся легких
жадно поглощенный
горячей влагой
что, скрытая во тьме лабиринта сосудов
в черной пещере сердца
символизирует жизнь
но явленная свету и взору
иное — боль и смерть —
в комплексном соединении
с драгоценным веществом

Расходится багровое марево перед глазами, очищается поле зрения. Он видит черную долину внизу, и алое солнце падает за горизонт. Стихающий звон в ушах не заглушает наконец голосов друзей.

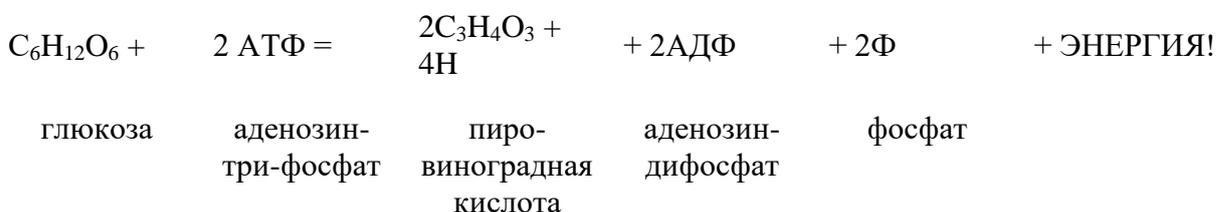
ценнее царского пурпура
вовлекался затем почти полностью
в силу суровой необходимости, вынуждающей организм
работать в таком режиме, что мозг получает
лишь жалкий прожиточный минимум
в большой круг кровообращения
по ветвящимся все более мелким и мельчайшим
сосудам в мышечные волокна

...удивительно везет. В таком чертовом пекле вдруг — вода, топливо, этот поросенок...
Кто это на самом деле, любопытно?

в эластичные длинные клетки
в отдельности почти бессильные
но совершающие вместе
всю работу подъема
тяжкой машины тела по крутому склону

— Кажется, даман, господин Профессор.
— Разрешите... да. Ухитрился же нагулять такое мясо в здешних камнях. Словно тут от сотворения мира ничего не росло, кроме этой мертвой арчи. Помочь вам, сэр Ричард?
— Спасибо, я справлюсь.

за счет механической энергии
в которую превращается
в них же, в микроскопических реакторах
химическая энергия — медленный жар
беспламенного сгорания глюкозы
в процессе гликолиза (суммарная реакция)

продукт которого — пировиноградная кислота —
расщепляется далее в ходе т.наз. цикла Кребса
включающего 10 ферментативных реакций
приводящих к отщеплению водорода

— Если я повешу котелок над огнем, это не помешает вам жарить мясо? Мы будем пить
кипяток и воображать, что это мокка или цейлонский чай. Кому что нравится.

и требующих поэтому неперемного участия
акцепторов водорода
из которых первый — кислород
OXYGENIUM
проникает из вольных просторов
(где он царит и бушует, этот геохимический диктатор!)
такой малой струйкой
алой струйкой сквозь тесную трубочку капилляра
в количестве, увы, недостаточном
для реализации запаса клеточного горючего

— Удивительно красивый закат. Посмотрите, сэр Ричард, вам не кажется, что это облако
похоже на белого быка?

(уже упомянутой глюкозы)
в живом двигателе внутреннего сгорания,
который, тем не менее,
должен непрерывно производить энергию
для непрерывных сокращений
(воля говорит — иди)

— Скорее на Белого Кита.

отчего в микрокосме клетки
воспроизводится, пусть только по одному параметру
(кислородный дефицит), химическая ситуация
которая автоматически включает
унаследованный из глубокой древности

— Раз уж речь зашла о Белом Ките, — сказал Профессор, выпрямляясь с важностью, —
то, с порога отказываясь от всякого спора, я заявляю, что ни одному романтику от
сотворения мира и до наших дней, сколь бы он ни был талантлив и умен, не удалось еще,
и я разумею не удастся, достойным образом дописать даже самый блистательно начатый
роман до конца! И потому лучшие романы романтиков до конца не дописаны!

непостижимой, ужас наводящей древности
из тех баснословных времен
когда живые организмы возникли и жили на планете
совершенно лишенной кислорода
и благоденствовали в меру своих сил
(у них была уже своя древность, свой генезис!)

— Разве это не так, о Томас Мэлори, рыцарь, бандит и филолог, ты, который созерцал
свой буйный век в основном из окна тюремной камеры, тем самым воплощая аллегорию,
что для романтика мир — тюрьма. Но ты был слишком хороший христианин...

И вот, достигнув к концу своего великого компиляторского труда высот почти шекспировских, ты внезапно утратил художественное чутье, долго и подробно описывая благочестивую старость Ланселота и Гвиневеры — такие ужели стареют?! — и чуть не испортил прекрасный роман ради спасения двух грешных душ, которое, согласишься, ведь никак не в твоей власти!

атавистический механизм переработки углеводов
происходящий в отсутствие кислорода
называемый анаэробным
энергетически менее выгодный
но господствовавший
пока шальная мутация

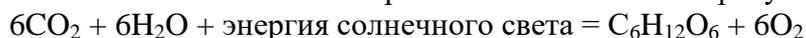
— Разве это не так, о Ян Потоцкий, пилигрим герметической мудрости, не знавший родного языка, и кавалер орденов тайных и явных? Ты, который исцелился от головной боли, прострелив себе висок серебряной шишечкой от сахарницы, предварительно освященной капелланом (я не теряю надежды дожить до того дня, когда кто-нибудь объяснит мне, что побудило его согласиться совершить столь странную церемонию?). Разве не стало бы тебе лучше там, где ты сейчас, если бы из всех ныне существующих экземпляров твоей «Liber Singularis» во всем мире были изъяты и публично и окончательно уничтожены последние пятьдесят (по самым скромным подсчетам) страниц,

в одной, быть может, на всей планете единственной клетке
не породила первое на Земле зеленое зернышко
х л о р о ф и л л а

на которых все то, чем нас так жутко и весело и так долго морочили, оказывается вдруг так плоско, так понятно, и притом совершенно неправдоподобно объясненным?

Разве не выиграл бы точно также от подобной операции некогда знаменитый роман «Эликсиры Сатаны» твоего последователя Гофмана, который носил целых три имени и никогда не жаловался на тяжесть ноши, и который догадался все-таки оставить «Кота Мура» без разъясняющей концовки, и пусть мне не говорят, что не по своей воле!

единственного вещества
способного произвести вот такой
прелестный химический фокус:

с одной стороны
дающий нечаянному
обладателю
вышеупомянутого
изумрудного талисмана
неиссякаемо щедрый
источник энергии
и тем самым
огромную фору
в гонке за жизнь

с другой стороны
выпустивший на волю
связанный доселе
яростный газ,
смертельный для нежных, мягких,
приспособленных
к восстановительной среде
организмов
с низкоэнергетическими
формами обмена,

что привело к катастрофе глобального масштаба,
последствия которой очевидны (Видны Очам) — очи так же
как видимое — трава, деревья, птицы и звери —
поздние потомки тех (клеток? организмов? или единственной
клетки? той? того?)
не сгоревшего в пламени, охватившем планету
(не только мягкое живое — горели камни)
протащившего сквозь горнило эволюции
сквозь ее медленно мелющие жернова
наследственную информацию о том

— И разве это не так, о Герман Мелвилл, прославленнейший из всех, стоявших когда-либо на палубе китобойца, включая самых бесстрашных и добычливых капитанов, хотя ты и получал на «Пекоде» только трехсотую долю! Заметив (как не заметить), что стихает к концу ярость твоей черно-белой симфонии, слабеет в хитросплетениях слишком сложной вязи предсказаний, иносказаний, умолчаний и знамений, толкуемых двояко, ты нагнетаешь нарочитые ужасы на ужасы еще более нарочитые (кого напугаешь неправдой!), не в силах расторгнуть бесовский смерч, завывающий вокруг твоего великого и жалкого капитана, которого ты собираешься прикончить из жалости вместе с его великолепно подобранным экипажем, ни в какой, разумеется, жалости не нуждающимся,

как получали энергию до Первой (ли?) Погибели Биосферы
записанную где-то в закоулках тончайшей структуры клетки
(о память плоти! ты сильнее... и что мы знаем о себе?
какие пресмыкающиеся, ползающие, грызущие чудовища
и гад морских подводный ход
участвуют в моделировании нашего поведения
на разных уровнях? я знаю все, но не познал себя...)
на крайний случай
который наступает при интенсивной работе мышц
когда энергии, полученной аэробным разложением углеводов
недостаточно
(например, при восхождении на гору)
и мышечные клетки добывают
добавочную энергию
словно какие-нибудь бактерии столбняка

— чтобы спасти его грандиозное безумие от простенького знания (он бы не вынес, старик!), открытого, однако, твоему недалекому и доброму старшему помощнику — не в силах — даже ты — выдержать Великое Испытание Окончанием, Создатель Белого Кита!
— Чем же, по вашему мнению, это можно объяснить? — сказал сэр Ричард.
— Объясняется это, — сказал Профессор, — тем, что —

или *Clostridium botulinum*
за что организм расплачивается
одышкой и болью в мышцах
потому что молочная кислота —
продукт анаэробного распада глюкозы —
хотя не столь смертельно ядовита
как продукты обмена облигатных анаэробов

(это те заскорузлые, мрачные существа
дотянувшие до наших дней из Катархейской эры
не сделавшие ничего
чтобы приспособиться к нашему яркому миру
с окислительной атмосферой
неспособные, в сущности, жить в этом мире
но находящие для себя в нем
узкие экологические ниши
(Clostridium botulinum, например, — испорченные консервы)
но все же в больших количествах
вызывает симптомы усталости
и должна быть окислена при первой возможности
и лишь потом избыток кислорода
будет предоставлен мозгу
что и происходит после долгого отдыха
и свежая струйка
... не только двигательные и защитные реакции
о какая прохлада
... и не только простейшие восприятия

я мыслю ERGO я живу

— Мистер Томпкинс, мистер Томпкинс, проснитесь, — услышал мистер Томпкинс и проснулся. Профессор, наклонившись над ним, тряс его за плечо. — Мистер Томпкинс, проснитесь, идемте ужинать...

Сквозь розовую дымку зари сияло горячее солнце.

Поистине сказочный ландшафт возникал в лучах нового дня — но какая это была мрачная сказка! Угольно-черный склон, по которому поднимались путешественники, был усеян обломками черных колонн самого разного размера. Иные, очень толстые, были как бы спилены на высоте человеческого роста. От одних остались только широкие ребристые базы. Другие упали на землю. Идти было трудно.

— А ведь когда-то, — сказал Профессор, — здесь было бесконечное множество островков, соединенных лабиринтом проливов. С болотистой почвы поднимались высокие рощи гигантских каламитов; воздымались к небу стройные, покрытые рубцами стволы лепидодендронов, увенчанные громадными кронами, или родственные им сигиллярии. По стволам словно большие зеленые змеи ползли лианы...

Из влажной почвы поднималась непроходимая гуща низкорослых растений.

Тут и там были видны прекрасные древовидные папоротники и стройные кордаиты.

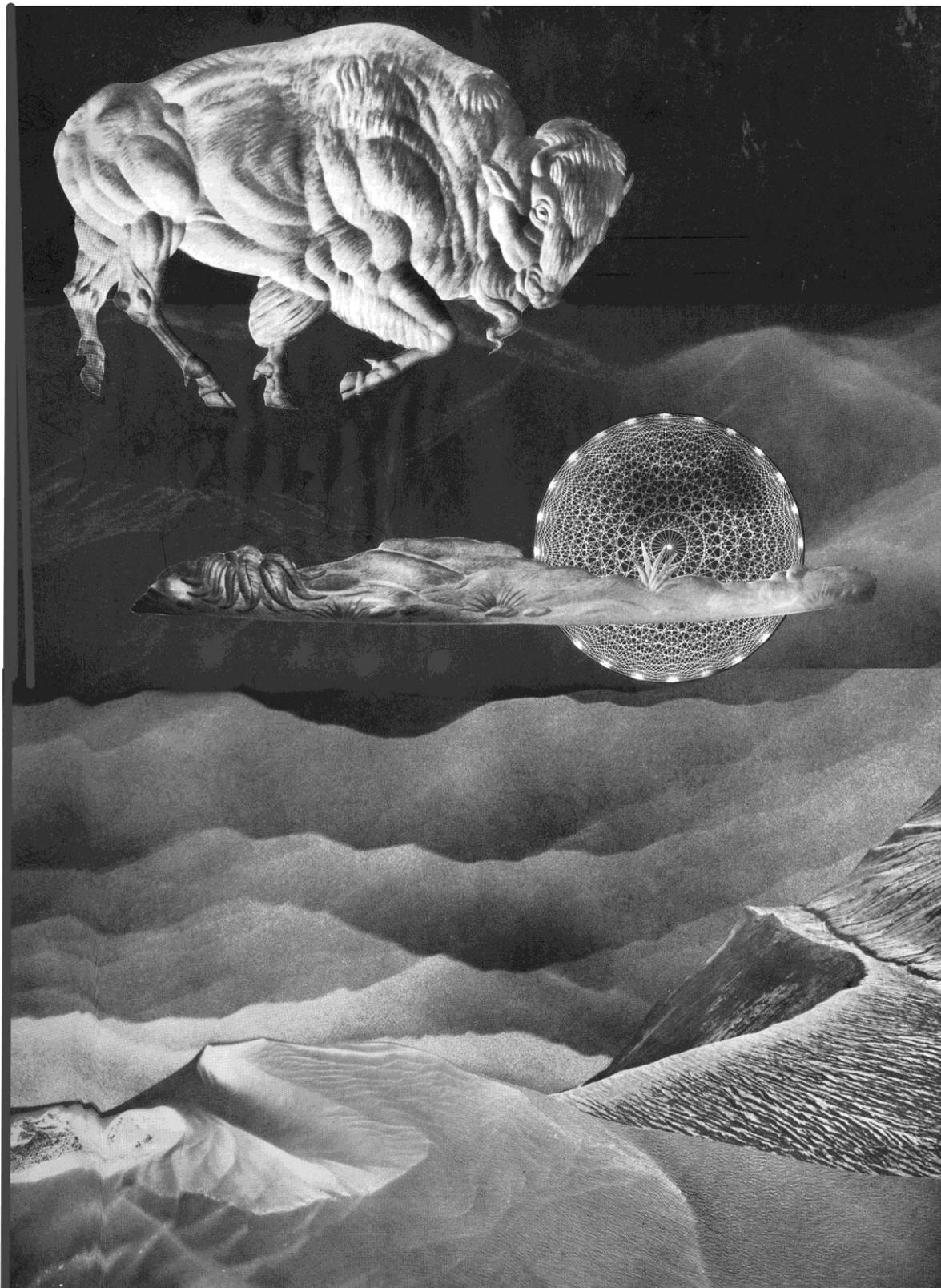
Зловещая гнетущая тишина стояла над этим болотным ландшафтом. Но здесь не отсутствовала животная жизнь. Среди густой листвы низкорослых папоротников высматривали свою жертву различные древние скорпионы и пауки, под разлагающимися остатками растений находили приют древние тысячножки. Многие насекомые обладали еще рядом примитивных черт строения. Более высоко организованные формы были здесь представлены крупными тараканами и причудливыми предшественниками кузнечиков. Здесь сверкали крылья меганевры, размах которых достигал почти метра!

— Красиво, — сказал мистер Томпкинс. — Вот бы посмотреть на все это своими глазами.

А ведь вы, господин Профессор, я думаю, могли бы сконструировать машину времени, если бы только захотели, конечно. Вот бы мы все совершили путешествие в прошлое...

— Такое путешествие, — сказал Профессор, — невозможно в принципе. Прошлое не существует. Оно целиком истрачено на постройку настоящего.

ВСЯ ЖИЗНЬ - ОДНА ЛИ, ДВЕ ЛИ НОЧИ

ВСТАЕТ ЗАРЯ ВО МГЛЕ ХОЛОДНОЙ

— Что-то скучно как-то, — сказал мистер Томпкинс уже под конец дня, который они весь поднимались по крутому безжизненному склону. — Сколько дней уже лезем на эту гору. Раньше хоть попадались всякие занятные вещи, и вы, господин Профессор, рассказывали про них любопытные истории. А сегодня такое убожество...

— Не капризничайте, мистер Томпкинс, — строго сказал Профессор, — в ваши годы стыдно не знать, что время, чреватое переменами, становится крайне осторожно и несуетливо в своих повседневных проявлениях. Лично меня продолжительное отсутствие небольших событий всегда беспокоит и настораживает — пресловутое затишье перед бурей... Не так ли, сэр Ричард?

— Ну разумеется, — сказал сэр Ричард.

Поздно вечером, собирая хворост для костра на очередной узкой ступеньке, в темноте, мистер Томпкинс, задумавшись, посмотрел ввысь, где тихо проплывали облака светил небесных пасмурная свита, и провалился в капкан.

Его нога проломила тонкую корочку почвы и попала между двумя мощными челюстями, которые мертвой хваткой сжали его щиколотку. Мистер Томпкинс вскрикнул и уронил сухие веточки. В тот же миг Профессор и сэр Ричард были рядом с ним.

— Я попался, — сказал мистер Томпкинс.

— Капкан?! — сказал Профессор, — неужели и здесь они?

— Похоже на то, — сказал сэр Ричард.

Он торопливо достал нож и бросил на землю рядом с ущемленной ногой мистера Томпкинса. Сам же, с ружьем наперевес, исчез во мраке. Оттуда донеслись его слова:

— Попробуйте откопать механизм, я посмотрю, что здесь...

Профессор, опустившись на колени, ощупал землю и стал осторожно разрыхлять ее ножом вокруг стальных дуг и отгребать руками. Работа продвигалась медленно, земля была твердая. Мистер Томпкинс очень стыдился. Кроме того, ему было больно. Он не заметил, как вернулся сэр Ричард.

— Никого нет, — сказал сэр Ричард. — И не было.

— Вы уверены? — сказал Профессор.

— Да, — сказал сэр Ричард. — Дайте мне нож.

Сэр Ричард копал быстрее, чем Профессор. Кроме того, Профессор догадался приносить в котелке воду из родника и поливать землю.

— Не понимаю, — сказал Профессор, — кто-то вырыл огромную яму... судя по тому, что вы закопались уже на полметра, сэр Ричард... втащил сюда этот гигантский капкан — его, должно быть, пришлось на чем-нибудь везти — установил, засыпал, утрамбовал до каменного состояния, ушел или спрятался — и никаких следов? Ведь мы поднялись сюда, когда было еще не темно?

— Посмотрим, — сказал сэр Ричард.

Мистер Томпкинс молча страдал.

За ночь Профессор и сэр Ричард, сменяясь, вырыли около мистера Томпкинса яму в метр глубиной и дошли наконец до основания капкана.

— Странная система, — сказал сэр Ричард, — пружины нет. Как же он действует?

— Подождите совсем немного, — сказал Профессор, — светает...

Но сэр Ричард не стал ждать. Он взялся за дугу капкана возле зажатой ноги мистера Томпкинса и сильно дернул на себя. Капкан раскрылся, освобожденный мистер Томпкинс потерял равновесие и чуть не свалился в яму возле сэра Ричарда, но устоял.

Сэр Ричард выпрыгнул из ямы. Слабый рассветный свет, которому теперь ничто не мешало, проник в яму.

— Позвольте, позвольте... — сказал Профессор, наклоняясь над ямой.

Тут стало совсем светло.

— Ну, знаете, мистер Томпкинс! — сказал Профессор, выпрямляясь. Мистер Томпкинс в это время сидел на земле, и сэр Ричард ощупывал его лодыжку.

— Мистер Томпкинс, — сказал Профессор. — Вы попали в капкан, поставленный сто пятьдесят миллионов лет назад! Да! Вот взгляните: ваша нога застряла между челюстями панцирноголового земноводного Mastodonsaurus'a! Из всех когда-либо живших земноводных он был самый башковитый — его череп достигал метра в длину, в чем прошу убедиться!

КОГДА ЗАРЯ БАГРЯНЫМ ОКОМ

Песчаниковый склон в этот день был такой же трудный и однообразный, как накануне. Притом всех измучила бессонная ночь.

— О чем вы думаете, Профессор? — сказал мистер Томпкинс.

— О счастье, — сказал Профессор, спотыкаясь.

Профессор нагнулся и поднял то, за что он зацепился ногой — позвонок довольно крупного зверя. Профессор посмотрел на него и отбросил.

— Я все думаю, — сказал Профессор, — наследуется ли оно?

— То есть как? — сказал мистер Томпкинс.

— То есть ясно даже и ежу, — сказал Профессор, — разумеется, наше жалкое время понимает счастье в виде большого удовольствия, но в подлинном, средневековом смысле — челюсти, едва не сломавшие вам ногу, мистер Томпкинс — бранные останки замечательного счастливца! Чтобы дожить до таких матерых размеров, бедняга должен был иметь не только ценные адаптивные свойства, но и немалое везение! Также и любая живая тварь на земле. Вопрос в том, идет ли отбор на **счастьливость**, или в каждом поколении играет новая лотерея? И как обстоит дело с этим талантом в современной людской популяции? Были времена, мистер Томпкинс, когда достигнуть ваших лет было бóльшей удачей, чем вам сейчас, скажем, стать Ротшильдом...

— Если бы я хотел этого так же, как хочу жить, — сказал мистер Томпкинс.

— Где же ваше новое хайку, сэра Ричард? — сказал Профессор. — Мы ждем.

Сэр Ричард остановился и обернулся.

— Да чепуха получилась, не стоит, — сказал сэра Ричард. — Но как вы догадались, господин Профессор?

— Вы на ходу чуть шевелили пальцами левой руки, — сказал Профессор, — как будто считали.

Сэр Ричард кивнул.

— Наши привычки — наши тираны, — сказал сэра Ричард. — Вы говорили о счастье, мне вспомнилось одно изречение, и вот я был обречен сделать из него хайку. Если угодно:

И трем счастливцам
Нет места на всей земле
Неизмеримой

— А куда вы дели еще семерых счастливцев, сэра Ричард? — сказал Профессор. — В оригинале-то их было десять? Вот то-то, все вы, господа сочинители: что вам стоит - для рифмы там, для слога, для колорита, для фабулы — расправиться с любым числом персонажей! И не моргнув глазом! Недавно я читал один современный роман — так знаете, дамочка, милая такая, пухленькая — бросилась под поезд! За что?! Я теперь обязательно заглядываю сначала в конец книги, и если что — нет, увольте!

ГУСТЕЕТ НОЧЬ КАК ХАОС НА ВОДАХ

На месте, выбранном для привала, сэра Ричард при свете луны заметил чьи-то следы.

— Здесь кто-то ходил, господин Профессор, — сказал сэра Ричард, — только давно.

— Весьма давно, — сказал Профессор, — это было... Ах! Что я, безумец, наделал!

— Что случилось, господин Профессор? — воскликнул испуганно мистер Томпкинс.
— Косточка-то, косточка, — сказал Профессор, — днем я ее выкинул, споткнулся еще... Следы вот эти, видите — они похожи на отпечатки рук — следы загадочного ящера по имени *Chiroterium*, о существовании которого известно только по следам, ни одной косточки его до сих пор не было найдено, а я нашел позвонок и сам же выбросил...
— Как же вы знаете, господин Профессор, — сказал мистер Томпкинс, — что это был его позвонок?
— Ну, палеонтологи не зря хлеб едят, — сказал Профессор, — они его по следам реконструировали, определили, вычислили. Каждая косточка обмерена и нарисована.
— Так, может, не страшно, — сказал мистер Томпкинс, — что вы потеряли настоящую?
— Ну, все-таки, — сказал Профессор.

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

— Ну и дела, — сказал мистер Томпкинс около полудня. Он говорил это в шестой раз.
— Ничего себе, — сказал мистер Томпкинс. Гигантская кость, остановившая на этот раз его внимание, напоминала массивный межевой столб. Плотно вбитая основанием в черный сланец, она возвышалась почти до пояса мистеру Томпкинсу.
— Пяточная кость диплодока, — сказал Профессор.
— А вот, и вот, — сказал мистер Томпкинс. Повсюду из черной поверхности склона выступали белые кости огромных размеров — ребра, позвонки, зубы. — Как будто битва гигантов была...
— Были, — сказал Профессор. — Что вас удивляет? Склон, который мы проходим сегодня, образован юрскими отложениями.
— Юрский период, — сказал мистер Томпкинс, — это, говорят, был Золотой Век Пресмыкающихся?
— Мистер Томпкинс, — сказал Профессор, — боюсь, лучшие годы жизни вы посвящали в основном студенческим беспорядкам. Диалектику надо было учить, хотя бы и не по Гегелю. Каждый процесс, каждое явление, мистер Томпкинс, — будь то существование вида, рода, или, как в данном случае, высшего таксона, будь то направление в искусстве, общественное движение, религиозное или классовое — переживает свой самый творческий, самый конструктивный, самый энергетически интенсивный период скрыто, почти никому не заметно. Какие изумительные открытия делаются в это время! Какие перспективные планы набрасываются в спешке, вчерне, по несколько на одном эскизе! С какой великолепной дерзостью отбрасываются старые, проверенные решения — целыми пластами, целыми категориями! Тот, кому довелось пожить в этой горячке, в этом пекле творения... впрочем, оставим. При этом окружающая среда эволюционирует настолько медленно, что видит себя как неизменную, раз навсегда данную, а потому единственно реальную, а новое — как бессмысленную порчу старого. Структура нового для старого сложна, поэтому она воспринимается как отсутствие структуры, разрушение, чистый хаос. В этот начальный период новое слишком незначительно количественно, чтобы стать объектом серьезного внимания; оно нарастит массу, оно репродуцирует себя, но потом, когда иссякнет энергия первоначального формотворчества... Тогда его заметят, поймут, объяснят и признают, оно займет лучшие экологические ниши, оно вытеснит и так далее... это справедливо, но... чистая радость героического времени не вернется, и жалеть о ней нечего. Так-то, мистер Томпкинс: когда какое-либо явление бурно и явно торжествует, на него можно уже не обращать внимания — разве с тем, чтобы не подвернуться, когда все это величие рухнет...

Здесь выпущен кусок текста про Станислава Лема. Тогда в «Химии и Жизни» долго публиковали его роман «Маска». Роман показался нам жеманным, вычурным, недостойным любимого автора. Сейчас это не актуально.

После полудня над краем черной стены (Юрская черная глина!) показалась ослепительно белая полоса. Она становилась все шире. К вечеру она превратилась в массивный горный склон устрашающей крутизны, весь изрезанный вертикальными складками, нестерпимо сверкавший на солнце.

На закате путешественники наконец взобрались на черный гребень. Чуть ниже его острых зубцов тянулось узкое горизонтальное плато. Над ним возвышалась белая стена. Плато казалось покрытым сугробами снега - в такую-то жару! — но, спустившись, они утонули по колено в тонкой сухой пыли.

— Мел, — сказал Профессор.

Мистер Томпкинс чихнул.

Такого ужасного ночлега у них еще не было. Сколько они ни искали, они не нашли ни дичи, ни топлива, ни даже воды. Пришлось лечь прямо в податливую мягкую пыль, вздымающуюся облачками при каждом движении.

ВЗОЙДИ ЖЕ НАКОНЕЦ ЖЕЛАННАЯ ЗАРЯ

— Сэр Ричард, — сказал Профессор, — у вас вся спина белая.

Этого можно было не говорить. Все вокруг было белое и ничего, кроме белого. Рассветное солнце, отраженное от меловой стены, насыщало воздух яростной белизной. Сэр Ричард не ответил и даже не обернулся. Профессор посмотрел в ту же сторону и вскрикнул...

— А ведь это наша знакомая, сэр Ричард, — сказал Профессор. Мистер Томпкинс ничего не понимал.

Профессор кашлянул, отряхнул зачем-то левый рукав и решительно направился к ложу загорелой красавицы, утопая в сыплющейся белой пудре...

Навстречу ему Каролина повернула голову, и на лице ее расцвела самая радостная и веселая улыбка. Подняв красивую длинную руку, Каролина приветствовала троих путешественников. Они приблизились. Изящным жестом она предложила им занять места на белом песке вокруг низкого столика, на котором среди роскошных тропических фруктов лежала коробочка дорогих папирос.

— Прошу вас, господа, — сказала Каролина, — вы, должно быть, умираете от жажды?

От загара она казалась совсем юной.

— Красивые места, — сказал Профессор, — не правда ли, мадам?

— Занятные, — сказала Каролина.

Мистеру Томпкинсу все это казалось сном. Особенно пронзительно свежий, давно забытый вкус апельсинового сока. Он ощутил его на языке неожиданно для себя, потому что апельсин он очистил машинально и бессознательно, глядя на Профессора, спокойно беседующего с полунагой красавицей.

Ее розовые волосы, тяжело стекавшие в белую пыль, были влажны. Тут мистер Томпкинс вспомнил, что он уже видел раз эти волосы, но они были тогда уложены в сложную прическу, и совсем растерялся.

— Прелестный друг, — сказал Профессор. — Могут ли трое преданных людей быть вам полезны?

Он встал. Мистер Томпкинс и сэр Ричард встали вслед за ним.

— Спасибо, нет, не нужно, — сказала Каролина, — но спасибо, что вы это сказали. Я вас не удерживаю, вам предстоит сегодня долгий путь.

— Мы должны оставить вас здесь? — сказал Профессор. — Оставить одну?

Здесь полагалась картинка с возлежащей красавицей и натюрмортом на фоне мелового обрыва, когда-то коллаж был, но неудачный, хорошо что не сохранился.

.....

Они дошли уже до подножия белого обрыва, когда мистер Томпкинс очнулся.
— Как же так, господин Профессор, — сказал мистер Томпкинс, — мы же здесь вчера все обошли? И не нашли воды? И вдруг такое... и эти фрукты... Здесь же кругом никого нет? И прямо как на курорте...
— Все это по закону, — сказал Профессор.
— Как по закону? — сказал мистер Томпкинс.
— По закону Вернадского, — сказал Профессор.
— Все равно не понимаю, — сказал мистер Томпкинс, — а вы, сэр Ричард?
— Нет, — сказал сэр Ричард.
— А разве не вы, сэр Ричард, — сказал Профессор, — сами произнесли ключевое слово — ЖИЗНЬ? В нем ответ. Жизнь создает вокруг себя условия, благоприятные для своего существования — вот формулировка закона Вернадского.
— Но ведь и мы живые, — сказал мистер Томпкинс, — почему же вокруг нас ничего такого не создается?
— А разве для вашего существования, мистер Томпкинс, — сказал Профессор, — благоприятно то же, что и для юной дамы?

.....
Путь вверх по крутому склону, белому, как кипящее молоко, был невозможно труден. Путники поднимались в обычном порядке: впереди сэр Ричард, за ним Профессор, последним шел мистер Томпкинс. Костей здесь было понатыкано не меньше, чем вчера, и не меньших, но они были почти не видны в белом. Профессор, впрочем, знал, что они должны быть, и на ходу приглядывался по сторонам. Наконец он нашел то, что искал.
— Ищите и обрящете, — сказал Профессор. — Непременно он должен был здесь оказаться. Пойдемте дальше.
— Кто это? — сказал мистер Томпкинс, оборачиваясь на ходу почему-то с жалостью к странному скелетику с заломленными ручками-крыльями и запрокинутым на спину черепом.
— Археоптерикс, конечно, — сказал Профессор.
Они продолжали карабкаться по белоснежному крутому склону, который в полдень этого жаркого дня оставался холодным, отражая почти полностью потоки солнечных лучей, и отраженные лучи с нерастроченной энергией били прямо в лицо трем путешественникам.
— Как ему, должно быть, было больно, — сказал вдруг мистер Томпкинс.
— О чем вы, мистер Томпкинс? — сказал Профессор.
— О той птичке, — сказал мистер Томпкинс. — Это ее, что же, так придавило?
Профессор не ответил.
— И все остальные тоже, — сказал мистер Томпкинс, — как подумаешь. Правда, господин Профессор? Помните, там был трилобит, там внизу? А это растение — вы сказали, что это не растение, оно, значит, тоже все чувствовало? И ему, значит...
— Боль есть способ существования белковых тел, — резко бросил Профессор.
Сэр Ричард, который шел впереди, не оборачиваясь произнес что-то тихо и нечленораздельно.
— Что вы сказали, сэр Ричард? — сказал мистер Томпкинс.
Сэр Ричард молчал, будто не слышал вопроса.
— Это что, хайку?
Но сэр Ричард снова не ответил.

.....
— Сэр Ричард, — сказал Профессор, — остановитесь, умоляю...
Мистер Томпкинс немедленно остановился и зажмурил глаза.
Но спасения не было: за плотно сжатыми веками полыхало жгучее бледно-зеленое сияние. Затухая, оно подергивалось пронзительным темно-синим.
— Идите за мной, — услышал он незнакомый хриплый голос сэра Ричарда. — Вот сюда...

Мистер Томпкинс делал героические усилия, чтобы разлепить веки. Едва это ему удалось, сквозь узкие щелочки хлынули слезы и полились по обожженным щекам. Словно под веки насыпан перец. Запрокинув голову, чтобы не открывать глаза шире, мистер Томпкинс двинулся туда, где виднелся темный расплывчатый силуэт сэра Ричарда.

И вдруг — тень и прохлада. Они обогнули каменную складку, и выступ заслонил их от солнца. Они стояли на узком карнизе.

Профессор с блаженным вздохом облегчения прислонился спиной к стене. Мистер Томпкинс сделал то же и снова закрыл глаза. Просто не верилось, что может быть так хорошо. Было бы совсем прекрасно, если бы не пересохший рот и забитое меловой пылью горло. Мистер Томпкинс слышал, как сэр Ричард, чиркнув спичкой, раскуривает трубку. — Вы, должно быть, обратили внимание, — сказал Профессор после недолгого молчания, — какое любопытное восхождение у нас получается. Мы поднимаемся как бы по ступеням палеонтологической лестницы. Каждый уступ этой лестницы образован отложениями соответственного геологического периода с характерными останками организмов, которые нам, как помните, попадались. Сегодня мы в меловом периоде и видели археоптерикса. Если в данном случае возможна экстраполяция, то на очереди венец творения, и завтра мы увидим скелет...

— Коня, — сказал сэр Ричард.

— Хм-м, — сказал Профессор, — я-то, собственно, имел в виду Homo Sapiens. А знаете, сэр Ричард, ваша мысль не лишена резона...

Он помолчал некоторое время — должно быть размышлял.

— Я готов признать коня и волка совершеннейшими животными, — сказал наконец Профессор. — Ну, да человек — не животное... Вообще мы входим в рассмотрение принципиального вопроса о совершенстве. Зачем оно? Следует ли к нему стремиться? Каков его смысл? Вопрос этот схоластический и неразрешимый, но эмпирически установлено, что пока совершенное совершенствуется, у него под боком всегда возникнет нечто совершенно несовершенное и вдруг преградит бедному совершенству все пути к дальнейшему совершенствованию. И вообще все пути. Помните, как это было с парусным флотом? Великолепные клипера плюс «Наставления для плавания» Мори — казалось, идеально функционирующая система, дальше некуда и незачем — а рядом уже пыхтели пароходы. Кто скажет, что здесь «лучше», что «хуже»? Хотя впрочем плохая лошадь все-таки приятнее плохого человека. Безопаснее... Что же касается хороших лошадей, то я недостаточно компетентен. Должно быть, сэр Ричард...

— О нет, — сказал сэр Ричард.

— Позвольте усомниться, сэр Ричард, — сказал Профессор, — вы по крови лошади, вы должны любить лошадей.

— Я восхищаюсь ими, — сказал сэр Ричард, — но я плохой наездник и не вправе поэтому...

Он говорил медленно и как бы нехотя.

— Не понимаю, с какой целью вы нас дезинформируете, сэр Ричард, — сказал Профессор, — я сам был в Карнарвоне, когда вы выиграли большой стипльчез на скачках конных бригад.

— Я не падаю с седла, — все так же нехотя сказал сэр Ричард, — но мне случалось видеть настоящих наездников. Разумеется, это были не европейцы. Недалеко отсюда, кстати.

— Ну и что же? — продолжал настаивать Профессор.

— Ничего, — сказал сэр Ричард. — Просто я стараюсь не делать того, что умею делать не лучше всех.

— У вас, я вижу, — сказал Профессор, — своя точка зрения на проблему совершенства.

— Так кого же мы все-таки увидим? — сказал мистер Томпкинс.

— В самом деле, надо идти, — сказал Профессор.

День еще не кончился, когда сэр Ричард, за ним Профессор и мистер Томпкинс, поднявшись на гребень меловой стены, увидели себя на краю обширной равнины в длинных лучах заходящего солнца. У их ног белела куча костей. Два ожерелья позвонков — большое и малое — были увенчаны двумя черепами. Конским и человеческим.

Бедренная и берцовые человеческие кости лежали поверх конских ребер. — Вот это да... — сказал Профессор.

Его изумление относилось не только к неожиданному разрешению недавнего спора. Было в этой находке нечто гораздо более удивительное: во лбу каждого черепа торчком стояла пернатая стрела.

Выбеленные и прокаленные кости не сохранили и следа мягких тканей, но древки стрел блестели как новые, и даже перья не растрепал ветер.

— Что бы это могло значить? — сказал Профессор, торопливо приближаясь к скелетам и вынимая на ходу свой универсальный хронометр и свою миниатюрную экспресс-лабораторию. Он подключил их друг к другу и с этим прибором склонился над костями. В приборе что-то звонко защелкало. По мере того как Профессор производил замеры, его лицо становилось все серьезнее.

— Либо мой прибор врет, — сказал Профессор, выпрямляясь, — что маловероятно, либо эти два существа еще вчера двигались и дышали.

Его слова слышал только мистер Томпкинс. Сэр Ричард в стороне, метрах в двухстах, внимательно разглядывал землю вокруг большого валуна.

— Но это невозможно, — сказал мистер Томпкинс.

— Разумеется, — сказал Профессор.

Они увидели, что сэр Ричард уже закончил свои наблюдения и возвращается к ним, и пошли ему навстречу.

— Там что-нибудь?.. — сказал Профессор.

— С той стороны валуна следы маленьких босых ног с отставленным большим пальцем. У самого камня след ступни глубже, и рядом круглая вмятина, а лишайник на камне содран. Он стоял на одном колене и опирался луком о камень — это все ясно, как вода. Но чуть подальше, господин Профессор, следы, мы видели их однажды на краю ловчей ямы.

— Узкие бальные туфли? — сказал Профессор.
— Да, — сказал сэр Ричард. — Эти отпечатки ведут к следам автомобильных колес, а следы колес — в сторону города.
— Город? - сказал Профессор. — Где вы видите Город?
— Я его не вижу, я знаю, где он, — сказал сэр Ричард. — А у вас что?
— Черт знает что, — сказал Профессор.

.....
В эту ночь мистер Томпкинс никак не мог заснуть. Наконец он не выдержал.

— Господин Профессор, — сказал мистер Томпкинс, — а у вас есть какое-нибудь объяснение?

— Как не быть, — сказал Профессор, — объяснение найти не трудно, объяснить можно любые факты; трудно решить, как же надлежит действовать, раз эти факты имеют место? Ну вот вам, пожалуйста, объяснение: процесс эволюции ускоряется, растет крутизна экспоненты, значительные события громоздятся друг на друга в такой тесноте, что где-то близ острия пика плотность становится критической, и следствия могут опережать причины... знаете, как в атомном ядре. А вы не ложитесь спать, сэр Ричард? Вы думаете, здесь опасно?

— Да нет, — сказал сэр Ричард, — просто не спится.

Профессор не стал спорить. Это было бесполезно. Никому и никогда сэр Ричард не уступал уступал ночную стражу. Он понял, что сэр Ричард просто никому не доверяет.

.....
Этот эпизод никак не объясняется, ни с чем не связан, ни на что не влияет впоследствии. Просто тогда у нас была большая красивая книга на чешском языке про всякие интересные явления и законы природы — чехи специализировались на популяризации, читать их было легко, и в этой книге одна картинка очень нас интриговала и соблазняла, мы рассчитывали как-нибудь потом ее скопировать, но качество было среднее, а потом книгу куда-то дели. Эпизод остался. Вот вчера думаю: а вдруг в гугле найдется?
И нашлась картинка, и прекрасного качества!

Но сначала нашлись в большом количестве гравюры на эту тему, очевидно, модную. Демонстрация мастерства художника, интерес к натурфилософии, некоторый мистицизм. Изображения лошадей это же — особая отрасль, живопись, гравюра, скульптура большая и маленькая, признанные мастера и подражатели. Делакруа, Жерико — это большой стиль, а были профессионалы, портреты знаменитых производителей служили документами.

И потом, какая это красивая вещь — скелет! Как в нем все выверено, отточено, подобрано. Любой скелет, хоть ежа, по-своему безупречен и интересен. А уж там, где «краса, природы совершенство»... Близкая тематика. Человеческих костяков мы перерисовали уйму. А в детстве я рисовала конский скелет наизусть. Из интереса. Но иллюстрацию в текст выбрала из роскошных гравюр, слегка покорежила, но стрел не дорисовала. Легко понять, что трудное восхождение по ступеням эволюции приводит путников на новый уровень — ЦИВИЛИЗАЦИЮ.

VII

— Информировать сотрудников экспедиции, — сказал Профессор, — что экспедиционная касса пуста.

— У меня есть рубль, — сказал мистер Томпкинс.

— Рубль? — сказал Профессор.

Сэр Ричард смотрел вправо, на развалины Старого Форта.

Путешественники стояли на заброшенной городской свалке. Они только что вошли через ворота, которыми тоже, как и свалкой, давно никто не пользовался. Слева начинались кварталы нищенских лачуг. Между этими кучами хлама внедрялись узкие щели проходов. Старый покосившийся забор зачем-то делил пустырь надвое.

— Ну да, — сказал мистер Томпкинс, — вот он. Мне *там* дали.

Профессор взял из его рук большую тусклую монету, повертел и вздохнул. Конечно, можно было обойти город стороной, тогда проблема не возникла бы. Но раз они здесь, в городе усталому путнику мечтаются видения тихих отелей, ванн, чистых простынь. Театр, освещенные кафе на сумеречных улицах...

— Рубль, — сказал Профессор, — на него много не купишь. Да и не примут его здесь.

— Примут, — сказал сэр Ричард. — В казино.

— Вот как? — сказал Профессор. — Я не знал, что вы играете.

— Прежде играл, — сказал сэр Ричард, — и всегда неудачно.

— Как интересно, — сказал мистер Томпкинс, — я хочу сказать — это очень интересно?

— Бывает, — сказал сэр Ричард.

Он взял монету у Профессора, посмотрел на нее, подбросил и поймал.

— Хотите рискнуть на свой сувенир, мистер Томпкинс? — сказал сэр Ричард. — Вам не жаль?

— Мне не жаль, — сказал мистер Томпкинс, — мне очень интересно. Только лучше вы.

— Пожалуй, — сказал сэр Ричард. — Будьте любезны, мистер Томпкинс, подержите ружье до моего возвращения. Это не долго.

Сэр Ричард передал мистеру Томпкинсу винчестер, бросил монету в карман, проверил пистолет и ушел в проулок между хибарами из сломанных кроватей, рогожных кулей и раздавленных корыт.

Профессор и мистер Томпкинс немного посмотрели ему вслед, а потом посмотрели друг на друга. Их облик и костюм вполне соответствовали месту. Отчасти поэтому мистер Томпкинс постеснялся пойти в казино. Они были одни на пустыре. На небе было ни облачка. Солнце поднималось к зениту. Профессор и мистер Томпкинс выбрали хорошее местечко под забором на сваленных ящиках и расположились ожидать. Через некоторое время жара, безделье и неопределенность погрузили мистера Томпкинса в сладкую маятную полудремоту. Еще немного погодя он лениво подумал, что это чувство должно составлять особую наркотическую прелесть бродяжьей и нищенской жизни. Он уже веселее подумал, что сделал интересное для науки наблюдение, и хотел сказать Профессору, но задремал совсем.

.....

— Заноси, заноси вправо, — сказал громкий голос.

Мистер Томпкинс проснулся. Профессор стоял на своем ящике и смотрел через забор.

Мистер Томпкинс тогда тоже посмотрел сквозь выпавшую доску в заборе и увидел по ту сторону много цветных людей с большими грубыми досками.

Высокий полный человек во фраке, с белоснежной грудью, с седыми короткими баками на широком бледном лице, указывал им короткими полными руками, и они из этих досок на деревянных козлах строили длинный стол. Стол застелили старыми газетами.

— Теперь вот это — сюда, — сказал важный человек.

Цветные слуги побежали в дальний конец свалки разгребать баррикаду безобразного хлама и из нее понесли к столу разбитые унитазы.

— Этот — вон, — продолжал командовать распорядитель, — это сюда...

С маленьким складным метром в руках он проверял, чтобы унитазы были расставлены вокруг стола в ровном порядке. Наконец он остался доволен, отошел в сторону, еще раз осмотрел все, и, кивнув головой, отпустил рабочих. Тогда на пустырь въехал желтый блестящий фургончик, запряженный маленькой темной лошадкой. Задняя дверь открылась, и из нее вышел официант в белых перчатках. Из фургона ему подали картонную коробку. Официант передал ее седому человеку. Тот отнес коробку на стол. Тем временем официант получал из фургона еще коробки, и все они переправлялись на стол. Вместе с последней появился еще один официант. Вдвоем они направились к столу, осторожно ступая по битым черепкам. Лошадь с фургоном ушла. Тогда объявился молодой человек в яркой куртке и с фотоаппаратом. Прежде его загораживал фургон. Дворецкий гневно с изумлением посмотрел на него. Молодой человек просил и объяснял. Дворецкий сердился.

— Категорически, — сказал дворецкий.

Он потряс в воздухе рукой в белой манжетке. Между крышами хламных домиков мелькнул шпиль жандармской каски. Жандарм выделился из своего убежища и встал выжидающе. Молодой человек огорченно развел руками, но удалился. Дворецкий вернулся к столу, где оба официанта уже распечатывали коробки.

Из коробок вынули сначала стопки бумажных стаканчиков и тарелок, потом банки черной икры с железными крышками, ананасы, груши, золотистые булочки, конфеты в тонкой разноцветной фольге и наконец серебряное ведерко с горлышками шампанского. Коробки и обертки бросали тут же как попало. Дворецкий еще поправил ногой, чтобы они валялись совсем уж в беспорядке. Закончив труд, все трое выстроились в ряд, руки по швам, чуть склонившись.

Тогда на пустырь, все из тех же жутких щелей, выкатились легкой рысью рикши со своими высокими тележками. В тележках сидели дамы. Но какие! Во-первых, рикши были хороши — молодые, рослые, целый парад стройных черноволосых красавцев.

Дамы как раз не все были молоды и красивы, но мистер Томпкинс уверился немедленно, что видит самый цвет самого высшего общества. Он был потрясен той величавой, той небрежной осанкой, с какой дамы покидали тележки, здоровались друг с другом, рассаживались у стола. Одеты они были необычно.

Облезлые эгретки и боа, соломенные сломанные шляпки, расплзшиеся шелковые шали, вместо платьев ночные рубашки в обвисших кружевах и рюшах, пожелтевшие нижние юбки из плиссированного батиста. На ногах одной были мужские носки и дешевые домашние тапочки. На всех были драгоценности. Даже мистер Томпкинс понял, что это неподдельное. Сухой серый блеск бриллиантов поразил его и даже почему-то взволновал.

Он никогда не видел столько бриллиантов.

Рикши развернулись и убежали. На пустыре теперь присутствовало десятка полтора дам. Последней прибыла, видимо, председательница этой оргии — крупная дама в роговых очках и бумажной короне. Она заняла место во главе стола. Дворецкий и два лакея открывали шампанское и разливали в бумажные стаканчики. Солнце палило нещадно. Дамы непринужденно резали булочки, мазали икрой, чистили фрукты. Председательница подняла свой стаканчик.

— Дорогие леди, — сказала она.

.....

Сэр Ричард помедлил мгновенье, затем решительно вошел в казино. Швейцар встретил его поклоном. Посетителей для такого часа было уже порядочно. Хорошо зная, где то, что ему нужно, сэр Ричард шел вперед, не оглядываясь. Перед ним как бы ненамеренно расступались, но он знал, что его внимательно провожают взглядами. Элегантно прихрамывая, сэр Ричард поднимался по лестнице, как вдруг его остановила нечаянная встреча.

— Полковник Герн, — сказал сэр Ричард, протягивая руку представителю военному, потрясенно смотревшему на него. — Вы очень кстати меня не узнаете. Самая подходящая примета для моих намерений.

— Напротив, сэр Ричард, — сказал полковник, не отпуская его руки и глядя как замороженный, — я узнал вас сразу. Именно поэтому... Клянусь, я был уверен, что никогда уже... Так вам удалось все-таки?..

— Как видите, — сказал сэр Ричард, чуть нахмурившись.

— Извините меня, — сказал полковник, — но знаете, мы ведь собирались и отмечали этот день. Я помню, снег, холмы снега... и вы ушли на лыжах. Но это тоже добрая примета, — весело закончил полковник.

— Вы идете? — сказал сэр Ричард.

— Зайду, — сказал полковник, — надеюсь, вы обедаете с нами?

— К величайшему сожалению, нет, — сказал сэр Ричард. — Я здесь по делу, и меня ждут. Вдвоем они вошли в зал, где играли в рулетку. Их появление было встречено почтительным изумлением нескольких молодых офицеров. Полковник и сэр Ричард подошли к одному из столов. Сэр Ричард вынул свою единственную монету и поставил на зеро.

— Всегда был оригинал, — услышал он за спиной.

.....

— Затейливо и не лишено смысла, — сказал Профессор, комментируя литературный доклад одной из участниц комитета. — Однако, это разработанный метод, а в наше время, я полагаю, создавать произведения искусства в рамках существующего стиля — занятие безобидное, конечно, но ничуть не более восхитительное, чем делать стулья...

— Что, например, банальнее, чем стулья? — сказала молодая леди. — А вот один путешественник рассказывал недавно, как он шел через непроходимые джунгли, с риском для жизни взобрался на непреодолимую гору — а там стоит венский стул, выкрашенный белой краской!

— Как это удивительно! — вскричали дамы.

— Удивительнее всего что венский! — воскликнула еще одна. — У меня на газоне, я рассказывала, физики вырыли яму, кажется, к центру земли. Я видела позавчера, они полдня спускали туда длинный-предлинный трос и полдня вытягивали. И вытащили — венский стул!

— Как это удивительно, как это поразительно, и какое совпадение! — вскричали дамы.

— Они все это выдумывают, господин Профессор? — сказал мистер Томпкинс.

— Ничуть, будьте уверены, — сказал Профессор.

— Тогда что же все это значит? — сказал мистер Томпкинс.

— Ровно ничего, — сказал Профессор, зевая.

Занятые происходящим по ту сторону, Профессор и мистер Томпкинс совсем забыли, чего они тут, на свалке, дожидаются, и не удивлялись долгому отсутствию сэра Ричарда, и не заметили, что пришел вечер.

— Все так, — сказала Председательница, — но пусть каждая из нас вспомнит, *сколько раз сегодня она подняла голову, чтобы взглянуть на небо...*

Все дамы, Профессор и мистер Томпкинс подняли головы. Прозрачные озаренные фестоны многоярусного облачного занавеса нависли на полнеба над бледным чистым западом. Занавес прорезало протяженное облачное неподвижное крыло. Багрец и золото, и синь растворялись, сменяясь голубиной голубиной и сладким розовым румянцем.

Мистер Томпкинс вновь вспомнил детскую игру — угадывать в облаках осмысленные фигуры. Дело в том, что слева из-под занавеса выглядывала маленькая комичная мордочка, словно там прятался очень любопытный человечек с длинным носом. Он как бы тянулся подсмотреть, что там, над пылающим покровом, и нос у него все больше удлинялся от этого. «Петрушка» — подумал мистер Томпкинс.

— Подруги, — сказала Председательница, — *мы не просто так. Мы правим тризну...* Тепловая смерть нависла над миром...

Профессор даже присвистнул. Странно, что на него и мистера Томпкинса никто не обращал внимания, хотя их было легко заметить. Мистер Томпкинс посмотрел на удивленного Профессора, потом на говорящую даму. Поправляя роговые очки, она заглядывала в бумажку, хотя было темно.

— Магистр пишет, — сказала она, — но не мне: звезды источают материю и жар в безмерный вакуум, и если так будет продолжаться, Вселенная превратится в однородную среду комнатной температуры. Еще раньше ветер и вода изложут горы, песок засыплет пропасти, и великий океан задохнется в молекулярной пленке керосина. У нас на глазах скудеет живой мир, дохнут слоны и жирафы, но плодятся крысы. Человечество тяготеет к среднему уровню, нет больше роскоши королей и нищеты нищих! Ушли из жизни страсть и честь (так он пишет). Наука расплывается в анализе, искусство...

Мистер Томпкинс смотрел в небо. Оранжевое, огненное, розовое там исчезло, все стало пепельным и легким. Но его знакомая фигурка, плотнее других облаков, существовала. Она, показалось ему, превратилась сначала в остроносую ведьму, но потом точно стала змеей, только с острыми сосцами кормящей суки.

...совершает броуновские колебания близ точки замерзания. Хладеет ноосфера, но растет Энтропия!

Дамы громко ахнули. Мистер Томпкинс опять отвлекся. Ему показалось, что его змея повернула голову и смотрит на него выпуклыми жабыми глазами и что она хочет лететь сюда. Это было неприятно, и он не стал смотреть.

— *Ничто души не веселит,* — сказала Председательница и отложила листок. — Время не ждет. Пора выступать открыто и противопоставить потоку свою программу. Пора заявить себя со всей авторитарностью. Все это уже перестало быть нашим частным делом — наши парадоксальные поступки, наши чудачества, наши коллекции нелепых слухов, наша принципиальная вера в абсурд. Кто знает, какая малая причина породит веер неожиданных следствий, какое незапрограммированное действие стронет мировое равновесие, вызовет резонанс в поле малых вероятностей и заставит его генерировать чудеса. Повысить уровень разнообразия Вселенной, отсрочить ее тепловую гибель — какая задача, подруги! Какая честь!

В «Председательнице» Кари узнала себя и очень веселилась, что предстает в такой позиции. Картинка из тех же киношных журналов интриговала нас чрезвычайно. Как далеки мы были от бесшабашных западных звезд, откуда нам было знать, что они соревнуются даже в нелепости праздничных приемов. Хоть в свободном падении с самолета — наверняка было. Или на потолке, как в Мэри Поппинс ...

— Ничего у них не выйдет, — сказал Профессор, спрыгивая с ящика.
— Запрограммированная незапрограммированность, ожидаемая непредсказуемость. Любой парадоксальный поступок построен по одной из двух-трех простых схем. Когда алгоритм действия системы найден, ее тут же надо бросать. Она уже гонит тираж, работает на однообразии, на ту же Энтропию...
— А что же делать, господин Профессор? — сказал мистер Томпкинс.
— Предлагаю тост, — сказала Председательница, — за Магистра!
Все дамы встали и подняли картонные стаканчики.
— Мы скоро увидим его, — говорила Председательница, — он здесь, но занят сейчас...
Мистер Томпкинс уже не слышал. Он тоже встал, открыв рот от изумления. В последнем исыкающем свете драгоценности на шеях, в волосах и на пальцах женщин зажглись, как дивное созвездие. Мистер Томпкинс узнал это созвездие — он видел его на фотографии, которую показал ему представитель ИНТЕРПОЛ'а. Таинственно похищенные драгоценности были перед ним — все!
— Вы спрашиваете — что делать? — сказал Профессор.
— Подержите, пожалуйста, господин Профессор, — сказал мистер Томпкинс. Он положил на колени Профессору вверенный ему винчестер и побегал прочь.
— Куда вы, мистер Томпкинс? — закричал Профессор, вскочив на ноги.
— Я должен позвонить, — крикнул мистер Томпкинс, исчезая в одном из проходов среди мусорных лачуг.
Профессор бросился вдогонку, сжимая в руках винчестер сэра Ричарда.

.....

Сэр Ричард отошел от стола. Все изменилось за эти несколько часов. Зал был полон истерически возбужденной толпой. Толпа двигалась и росла. Нервная волна расплзлась по всем коридорам и лестницам игорного дома. Но не только зависть, злоба, восторг — среди общего напряжения кто-то тихо следил, рассчитывал, выжидал своего момента... Сэр Ричард, отойдя чуть в сторону от стола, смотрел, как трое служащих казино дрожащими руками укладывают в мешок выигранный им миллион. Лицо его не выражало ничего, кроме легкого утомления. Здесь он был хорошо прикрыт: в зале находился полковник Герн и несколько подчиненных ему офицеров. Сэр Ричард успел уже продемонстрировать желающим свой пистолет, вытащив его как бы по рассеянности из кармана вместо портсигара; после этого он досадливо поморщился, засунул пистолет обратно и взял у лакея с подноса сигарету. С сигаретой в руке, взглядом попросив полковника присмотреть за деньгами, сэр Ричард стоял у окна. Не оборачиваясь, он лениво слушал улицу. Потом все так же лениво повернулся, посмотрел за окно — и впервые заметил, что день прошел.

*Достигает зенита
Холодное пламя зари
Десяти городских перекрестков
Горят фонари*

*Девять колоколов
Долгий возносят зов
Восемь высоких ворот
Заперты на засов*

*Семь зажигает звезд
Созвездье Плеяд
В шести казармах
Горн собирает солдат*

*Пяти петухов крик
Повисает протяжно
Четверо часовых
Посты занимают на башнях*

*Толпа расходится
Три пивные закрылись
Двое влюбленных
Домой наконец возвратились*

*Обнялись и заснули.
Луна
Озаряет пустынные улицы
Вечно одна.*

Сэр Ричард не увидел ничего, кроме особняка напротив, освещенной будки телефона у входа в особняк, плотной блестящей зелени за высокой оградой. И все же присутствие скрытой опасности было для него очевидно, как если бы слово ЗАСАДА было написано на теплом шелковистом асфальте метровыми белыми буквами.

Но оценить ситуацию и принять решение он не успел. Из-за угла стремительно выбежал мистер Томпкинс. Он бежал по середине улицы, оглядываясь по сторонам. За ним бежал Профессор с ружьем наперевес. Мистер Томпкинс добежал до телефонной будки, вбежал в нее, закрыл за собой дверцу и тут же выскочил обратно. Тут его догнал Профессор. В ту же секунду из-под темных деревьев сквера вылетела группа черных всадников на черных конях и окружила Профессора и мистера Томпкинса. Сэр Ричард уронил сигарету и выпрыгнул в окно. Он успел увидеть, как один из всадников с коня упал на плечи мистера Томпкинса.

Едва коснувшись ногами асфальта, сэр Ричард резко обернулся назад — и вовремя: над ним вспыхнуло занесенное лезвие, извилистое, как падающая молния.левой рукой сэр Ричард перехватил руку, державшую нож, пытаясь правой вытащить пистолет, но нападающий свободной левой рукой вцепился ему в запястье. Двое людей, держа друг друга за руки, замерли в напряженном неподвижном усилии. Но сэр Ричард был сильнее. Цокот коней и отрывистые команды за спиной торопили его. Сжав чужие пальцы вокруг рукоятки, не позволяя выпустить ее, сэр Ричард поворачивал руку противника, направляя острие клинка ему в живот. Нечаянно он взглянул в лицо этого человека. Нечеловеческий ужас был на этом лице. Рот расплзался в беззвучном крике. Белые глаза выкатывались из орбит. Лицо страшно бледнело. Вдруг весь человек обмяк и осел на землю. Сэр Ричард вырвал из его обессиленных пальцев кинжал и, сразу забыв о поверженном, обернулся к черной толпе, окружавшей его друзей. Но задержка оказалась роковой. Повинуясь отчетливой команде, отряд построился и сорвался в карьер, увозя пленников. Двое верховых остались. Тот, что был ближе, взмахнул саблей. Сэр Ричард, вынырнув из-под падающего удара вплотную к всаднику, схватил его за пояс, рванул на себя и ударил кинжалом в бок. Свалив тело и оставив в нем кинжал, сэр Ричард прыгнул в седло, поймал поводья и бросил лошадь на второго. Тот, торопясь развернуться, поднял коня на дыбы, но не успел, удар лошадиной грудью в бок опрокинул его коня. Еще секунду сэр Ричард потратил на то, чтобы достать наконец пистолет и выстрелить в голову лежащему и придавленному лошадью человеку. Рокот бешеной скачки прокатился по испуганным улицам, вылетел за ворота и понесся по дороге, лежащей на осеребренной луной равнине подобно согнутому луку. Никто не пытался больше остановить сэра Ричарда, но он с отчаянием видел, что все больше отстает. Гул скачки, сотрясающей дорогу, удалялся.

Сэр Ричард безжалостно гнал коня, но конь попался не из лучших. Кавалькада летящей птицы быстрее уносилась по мерцающей дороге. Безднадежность погони была очевидна.

Кто там скачет не спрашивай кто занавеску не трогай
Это Курбского князя уносит

ковбойский выносливый конь

Это город минует луна огибает равнину дорога
Это бьет о подковы дорога и путь устилает огнем

Если в полночь проснувшись услышишь

не слушай не тронь занавески

Кто там скачет кто мчится и гневный каменья дробит
Это князя побег и победа

Ревира полночные вести

Это полночь равнина дорога

звезда со звездой

говорит

Это полночь дорога дорога и звезды и звезды и ворон
Пресловутый в полях стережет

и на белом распутье кричит

Это ветер и ропот погони и алые звезды на шпорах
Виноватого князя побег

и тревожные вести в ночи

Если в полночь проснувшись не слушай

не ветер не шорох

То не ветер не ветер не верь не надежда любовь и не страх

Это всадник

усни и не помни

горячие звезды на шпорах

Это всадник

опять

приникает к дороге впотьмах

Маленькое розовое солнце встало на блестящем золотом небе. На этом фоне резко показался замок с многоярусной башней. Ворота, впусившие черную кавалькаду, сомкнулись без единого зазора. Не задерживаясь у ворот, сэр Ричард повернул вправо и поскакал вдоль стены. Усталая лошадь тяжело дышала. В сотне метров от ворот гладкую кирпичную стену прорезал открытый прямоугольник входа. Поскольку до сих пор события развивались по вполне определенному очень простому алгоритму, то и дальнейшее было совершенно очевидно. За дверью в мышеловку, приоткрытой с такой бесстыдной наивностью, преследователя ждал *один* боец. Когда их много, они надеются друг на друга и друг другу мешают. Этот *один*, профессионал высочайшего класса, по каким-то соображениям тайно приговорен теми, кто поставил его на этот почетный пост. Потому что нажимающий курок палец закончит свое движение, даже когда сияющая плоскость, образованная в воздухе взмахом меча, уже прошла через тело и разделила его надвое. Но тот, кто ждет по ту сторону стены, тоже сумеет завершить взмах со свинцом в сердце. Надеяться можно только на какое-то в последний миг, уже за пределом всякого мастерства и человеческой ловкости движение, уклоняющееся от кратчайшей встречи с тонкой полосой прославленной стали, скользящей с незримой быстротой.

Не сбавляя скорости, сэр Ричард пустил коня вплотную к стене, поравнявшись с калиткой, упал с седла сквозь каменный проем, еще падая повел дуло пистолета в точку, где через миг окажется сердце человека в черной лакированной броне —
И узнал.
Он узнал того, кто в черной броне стоял среди белых вишен.
Этот человек опустил меч.
Сэр Ричард опустил пистолет.

Выражение предписанной этикетом для таких ситуаций уверенной, без тени гнева жестокости сменилось на красивом лице старого воина добродушной улыбкой, такой знакомой, чуть иронической, она очень шла его крупным чертам. Ирония относилась к явному ужасу и отчаянию сэра Ричарда.

— Учитель, — сказал сэр Ричард. — Я уйду.

Он сделал движение назад, зная, что говорит и делает не то.

— Стой, — сказал человек в черных доспехах. — Тебе некуда идти. Другого входа нет. Мне же теперь поздно.

Это была горькая правда. Сэр Ричард стоял на своих ногах вместо того, чтобы в луже крови валяться на песчаной дорожке, и теперь каждое его живое дыхание, каждое новое биение сердца все дальше отодвигало Сасахара Исабуру, его прежнего наставника в искусстве кендо, за некую незримую грань...

— Не горюй, — сказал старый воин. Он шагнул вперед и положил руку на плечо сэра Ричарда. — Выходит, я тренировал твою реакцию себе же на голову. Лучше бы ты не успел остановиться.

Сэр Ричард покачал головой. Хотя он сам не знал, что лучше.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Сасахара Исабуру, — я рад, что мы увиделись. Иди, спаси своих друзей. Не теряй времени, там уже знают и приготовились. Возьми —

Он протянул свой меч рукоятью вперед, и сэр Ричард взял его.

— Они в башне, — сказал Сасахара Исабуру, — на самом верху. Иди.

Он сошел в траву и освободил дорожку между белыми кустами. Сэр Ричард медлил. Во взгляде старого воина мелькнуло нетерпение, его красивые густые брови сошлись. Тогда сэр Ричард поклонился и пошел по дорожке, все ускоряя шаги. Он еще услышал позади легкий скользящий звук меча о ножны и понял, что его учитель вынимает свой второй, короткий меч. Он не остановился.

Он бежал по тропинке между цветущих роц и никого не встречал. Деревья расступились, впереди встала высокая башня из темных деревянных брусьев. Четыре ступеньки перед входом, широко распахнутые двери, зал с полированным полом и лестница — все было пусто. И беззвучно. Словно в замке не было людей, кроме единственного стража калитки, с которым он только что говорил и расстался.

На второй площадке лестницы стена внутреннего помещения разъехалась в стороны, и оттуда выскочили два солдата с копьями. Он думал, что за долгие годы забыл приемы фехтования, но меч, чья рукоять еще хранила тепло ладони того, кого уже не было, сам знал, что делать. Двое остались на площадке. Каждый вскрикнул только раз.

Сэр Ричард бежал вверх по широкой гладкой лестнице. Ярость поднималась в нем. Ярость против незримой воли, с тупым коварным упорством втягивающей в уступающую пустоту. Где-то внутри этой пустоты были скрыты и мучились его друзья, и ждали его.

На седьмом этаже его встретили еще двое с копьями.

На десятой площадке лестница кончилась.

Между тем в башне было одиннадцать этажей, это он хорошо заметил. По словам Сасахара Исабуру пленников поместили на самом верху. Лестница туда, если она была, была внутри. Лево́й рукой сэр Ричард повел в сторону деревянную стену, стена отъехала в пазах, и он вошел внутрь.

Длинный зал насквозь освещало солнце через длинные боковые стены из натянутой на решетки бумаги, длинные темные половицы из драгоценного старинного дерева сходились у противоположной раздвижной стены с обнаженным схематизмом чертежа из учебника перспективы. Лестницу, видимо, следовало искать там, за той стеной.

Прихватив поудобнее рукоять меча, оплетенную кожаными ремешками, сэр Ричард медленно шел по самой средней половице. Он прошел половину пути, когда стена впереди разошлась, в зал вбежали две шеренги солдат с пиками наперевес.

Стена сдвинулась за ними. Солдаты быстро разбежались по залу вдоль длинных стен и разом обернулись к середине. Все они были жилистые, низкорослые, не выше плеча сэра Ричарда.

Сэр Ричард двинулся вправо, выбирая первого. Он услышал за спиной торопливые шаги, сопящее дыхание и почти физически ощутил грубые острия пик между лопатками.

И тогда пришел Гнев.

Бешенство, доселе незнакомое, толкнуло сердце вверх.

Кровь взорвалась в мозгу.

Он обернулся. Меч описал вокруг незримую свистящую восьмерку.

Он не знал, как страшно исказилось его лицо. Он увидел только, словно в беспощадном свете магниевой вспышки, странно застывшие, испуганные лица и неподвижные фигуры. Он еще услышал страшный нечеловеческий крик, но уже не знал, что кричит он сам. Что он делал потом, во власти Гнева, было вне воли и сознания, и он этого не запомнил. Его движения были быстрее мысли, взгляда и решения, но так четки и точны, как если бы это жуткое побоище было многократно отрепетированной постановкой. Его удары неотвратимо падали в цель, словно обезумевшие жертвы сами бросались под неизбежное лезвие. В смятенной толпе, бестолково мечущейся от стены к стене, то там, то здесь вспыхивал веер стальных лучей, бабочка с тончайшими режущими крыльями. Там, где она возникала, кричали голоса и валялись рассеченные тела. Словно неуязвимое многорукое чудовище, вооруженное молниями, поражало обреченных, запертых в узком, насквозь освещенном зале. Копейные древки как бы сами с хрустом разлетались в руках. Ни помощи, ни пощады ждать не приходилось. Одержимый Гневом не знает о жалости.

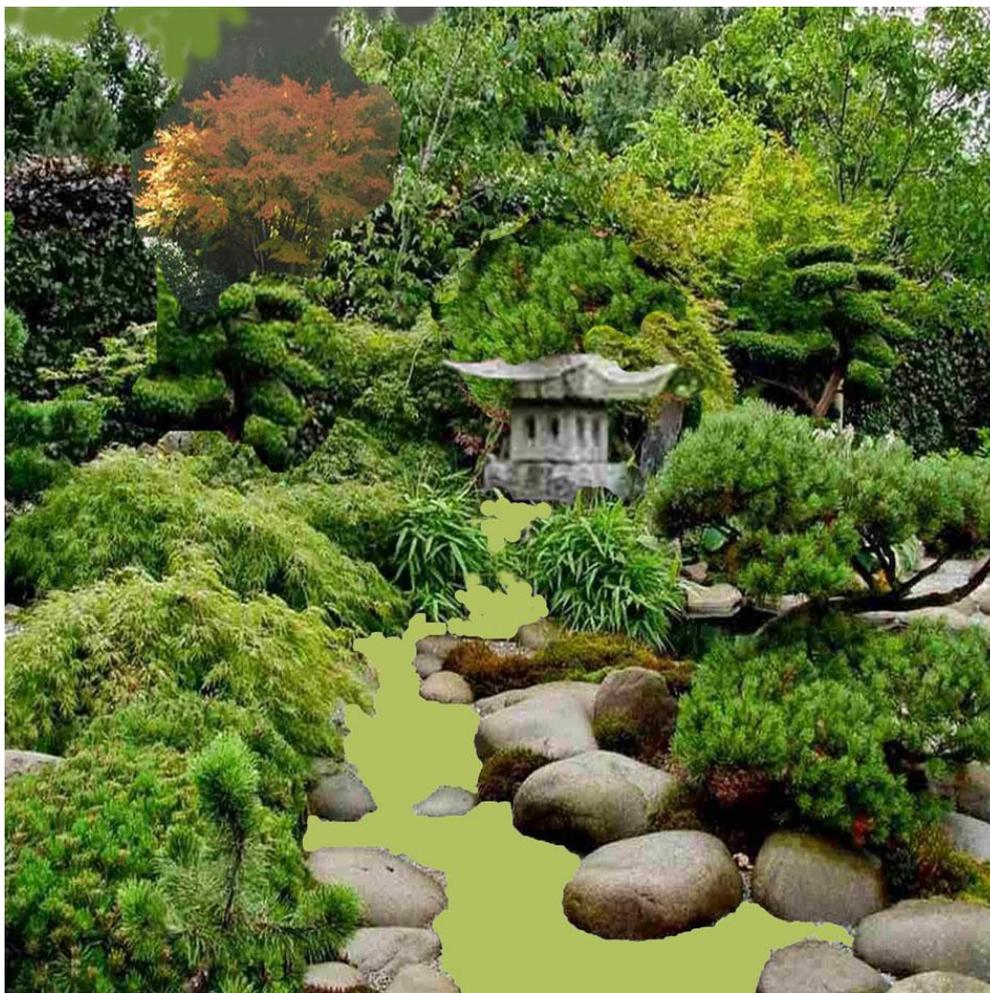
Сэр Ричард остановился. Последний даже не бежал и не защищался. Сэр Ричард разрубил его от левого плеча до печени, кровь ударила струей в лицо и ослепила его. Сэр Ричард попытался вытереть лицо рукавом, но вся его одежда промокла кровью, и он только размазал кровь по лицу. Тогда сквозь слипшиеся ресницы он увидел, что он натворил в этом зале. Потом он услышал звук, похожий на барабанную дробь. Это кровь протекла сквозь щели в полу и капала на нижний этаж. Припадок еще не прошел. Сэр Ричард чувствовал во всем теле автоматическую легкость и замкнутую тишину внутри. Он не слышал своего дыхания и своего сердца, но мог видеть и думать.

Думать не пришлось. Все та же стена снова раздвинулась. В проеме стояли лучники с натянутыми луками. Они разом вскинули луки и прицелились. Тогда сэр Ричард сделал единственное, что оставалось — метнулся вбок, влево, плечом проломил тонкую решетчатую стенку и вылетел наружу. Восемь стрел пронизали воздух там, где он только что стоял.

Обходных галерей не было выше седьмого этажа, это сэр Ричард заметил еще снаружи. Он падал, переворачиваясь в воздухе, и видел то небо и солнце, которое как раз переходило через гребень башни вместе с маленькой тучкой, то прямоугольный дворик, в который он как раз падал. Во дворике был волнистый песок и островок из камней. Прямоугольник стремительно рос. Сэр Ричард наискось по колено зарылся в песок и упал на бок, больно ударившись плечом о высокий камень. Камень тоже упал. Сэр Ричард мгновенно вскочил на ноги. Песок толстым слоем облепил его одежду. «Философский садик, вот жалость, — подумал сэр Ричард, — о черт, о чем я думаю...»

На нижних галереях башни выстроились лучники. К счастью, сэр Ричард упал у самой стены, дальней от башни. Он подпрыгнул, ухватился за край стены, на одной руке — в другой у него был меч — рывком подтянулся на гребень и перевалился на ту сторону. Он оказался в садике, прекрасном, как картинка.

Сэр Ричард перевел дыхание. Он стоял среди лиловых цветов, и силы оставляли его. Перед ним изгибался ручеек, сплошь затянутый мелкой ярко-зеленой ряской.

Ручеек змеился в глубину сада между низких цветущих кустов и высоких трав. На повороте ручейка стоял человек в белой одежде и соломенных сандалиях. Он стоял прямо на зеленой ряске и махал рукой, подзывая к себе. Сэр Ричард с ужасом узнал этого человека. Это было как бы двойное узнавание: во-первых, это был Дзигуро Кано, его учитель дзюдо еще тех времен, и во-вторых, он был так похож на погибшего Сасахара Исабуру, словно это был тот же человек в другой одежде, и это сходство тоже поразило сэра Ричарда уже тогда. Дзигуро Кано снова сделал знак, чтобы сэр Ричард сошел на зеленую ряску и подошел к нему. Сэр Ричард хотел поскорее объяснить учителю, что им нельзя быть вместе, но не мог подойти, потому что берега ручья сплошь были засажены хрупкими холеными растениями. Тогда, повинуясь настойчивому жесту учителя, сэр Ричард решительно ступил на воду. Он встал на твердую поверхность. То, что казалось ручейком, было тропой, покрытой плоскими низкими листиками особенной травки. Как только сэр Ричард встал на тропу, Дзигуро Кано пошел дальше в сад. Сэр Ричард хотел остаться и уйти, он боялся за учителя, но тот снова обернулся и кивнул, чтобы сэр Ричард следовал за ним. Тогда сэр Ричард хотел догнать его и рассказать, что тут происходит, чтобы учитель отпустил его. Но не смог. Его одежда с налипшим песком высыхала и превращалась в неподвижную кору. Так он тащился по тропинке с мечом в руке, пока они не обогнули маленький домик и вышли на чистую лужайку между верандой и водоемом. Дзигуро Кано остановился и обернулся. Сэр Ричард медленно подошел к нему.

— Учитель, — сказал сэр Ричард, — мне нельзя. Сасахара...

Говорить ему было трудно.

— Ты не ранен? — сказал Дзигуро Кано.

— Нет, — сказал сэр Ричард.

— Сасахара Исабуру служил этому дому, — сказал Дзигуро Кано, — а я сам по себе.

Мне ничто не грозит. Кстати, ты можешь отдать мне его меч.

Плавное спокойствие исходило от этого человека, от его мягкого голоса, движений, красивого лица с широкими бровями.

Сэр Ричард покорно положил меч на его протянутые ладони, хотел отпустить рукоятку и не смог. Пальцы не повиновались ему, он их не чувствовал. Он только видел со стороны, что его кисть словно срослась намертво с рукояткой. Он сделал страшное усилие, у него заломило плечо и локоть, но пальцы не разжались.

— Ничего, — сказал Дзигуро Кано.

Он положил маленькую мягкую ладонь на руку сэра Ричарда, приросшую к рукояти меча, и сомкнул пальцы вокруг его запястья. Блаженная слабость потекла по заочевенным в судороге мышцам, мягкая теплая волна качнула сэра Ричарда, он выронил меч, колени его подогнулись, он потерял сознание.

Сэр Ричард очнулся и открыл глаза. Он лежал на траве, легкий и чистый, как после недели на морском курорте. На нем была белая одежда, куртка и штаны такие же, как на Дзигуро Кано. Самого Дзигуро Кано он не видел, но чувствовал его спокойные твердые пальцы на своих висках.

— Спасибо, учитель, — сказал сэр Ричард.

Звук собственного голоса разбудил его окончательно, и он вскочил. Дзигуро Кано встал неторопливо.

— Иди сюда, — сказал он, поднимаясь на террасу.

Сэр Ричард пошел за ним, и они, как в прежние времена, сели на циновках друг против друга. Дзигуро Кано поворошил угли в маленькой жаровне, накрыл ее решеткой и поставил котелок с водой — все это не вставая с места, у него под рукой были все нужные предметы. Лицо у него было серьезное и озабоченное.

— Что делать, я не знаю, — сказал он. — Знаю только, что торопиться пока рано. Пока не зайдет солнце.

Сэр Ричард оглянулся на солнце. Оно стояло низко над крупными травами и тяжелыми, уже поздними цветами. В круглом пруду с лотосами пели лягушки. Дзигуро Кано кивнул головой в сторону пруда.

— Я бросил туда твою одежду, — сказал он. — Кровь отмокнет, а лотосам она полезна. Потом выстираю, и ты на обратном пути заберешь.

Привычными движениями он брал и переставлял различные предметы из грубой глины с простой, не знающей себя грацией очень сильного человека. Все было как когда-то. Сэр Ричард помнил каждую вещь и каждое движение. Дзигуро Кано поставил перед ним на циновку темную низкую чашку.

— Я рад видеть тебя, — сказал он, — ты был способным учеником.

— Я не тренировался, — сказал сэр Ричард, — отяжелел и все забыл.

— Я видел, как ты падал, — сказал Дзигуро Кано, — ты хорошо падал.

— У вас много учеников, Учитель? — спросил сэр Ричард.

Дзигуро Кано покачал головой.

— Я оставил дзю-до, — сказал он, — когда постиг конечную мудрость нашей доктрины.

Ты заметил надпись над входом в дом, с той стороны?

— Я видел четыре иероглифа, — сказал сэр Ричард, — но не смог прочесть.

— Да, — сказал Дзигуро Кано, — я нарочно составил ребус из древних знаков:

Пр о т и в л о м а

н е т п р и е м а

— Как просто, — сказал сэр Ричард.

— Все великое просто, — сказал Дзигуро Кано. — Тогда я оставил школу, снова, как видишь, надел ученический пояс и ушел. Я странствовал, потом обосновался здесь и вернулся к своему прежнему занятию.

Он кивнул головой в сторону, где на очень маленьком столике у стены стоял бамбуковый стаканчик с кистями, тушечница, и лежала ровная стопка бумаги.

— В молодости я собирался стать художником, — сказал Дзигуро Кано, отвечая на удивленный взгляд сэра Ричарда. — Моим учителем был... впрочем, имя тебе ничего не скажет. Тогда он был уже очень стар. Однажды поздно вечером — мы уже разошлись спать — он вдруг вошел ко мне. В руках у него была длинная шкатулка. Он сказал: «Здесь знаменитая картина Сюй си. На ней изображен петух. Сейчас темно. Завтра мы ее посмотрим вместе». Он ушел, а я не стал ложиться. Я все сидел и думал о шкатулке. Под утро я не выдержал, зажег маленький огарок и нарисовал петуха. На рассвете пришел Учитель, увидел мою картину, взял шкатулку и ушел, не сказав ни слова. Весь день мы занимались обычными делами, а вечером в то же время он опять вошел в мою комнату. На этот раз он принес маленькую лаковую шкатулочку. Он сказал: «Здесь яйцо», — поставил ее на пол и ушел. Я понял, что это испытание, мучился всю ночь, но так и не догадался, что я должен сделать. Тогда я нарисовал, как Учитель входит с коробочкой. Лицо в морщинах, как звезда, тело почти невидимо, только его прекрасные легчайшие старые руки держат черную шкатулку. Я оставил картину, связал вещички в узелок и ушел.

Честное слово, историю с картиной и шкатулкой я тогда (году в 80-м) видела во сне. Там же был и ручей, затянутый ряской, который оказался тропинкой. Начиталась чего-то.

— Что же было с вами потом, сенсэй? — спросил сэр Ричард.

— Солнце садится, — сказал Дзигуро Кано, глядя в сад. — Спроси то, что ты хотел спросить сразу, как очнулся.

— Да, — сказал сэр Ричард. — Меня здесь искали?

Он тоже посмотрел на солнце. Оно совсем опустилось. Теперь его нижний край касался очень низкой ограды в другой стороне садика, и темный диск светился сквозь низкие травы.

— Нет, — сказал Дзигуро Кано, — и не будут.

Он и сэр Ричард посмотрели друг другу в глаза.

— Три стены моего сада, кроме западной, — сказал Дзигуро Кано, — выходят во внутренние дворы замка. Каждый дюйм каждой стены сейчас держит под прицелом опытный лучник. Ночью зажгут фонари. Выхода, кроме той стены, нет, а за ней парк. Взгляд Дзигуро Кано стал напряженным и тяжелым.

— Что в парке, Учитель? — сказал сэр Ричард.

Дзигуро Кано произнес одними губами, без звука, одно слово. Сэр Ричард успел прочесть это слово в последнем малиновом свете ушедшего солнца. Потом стало темно.

Сэр Ричард опустил глаза, хотя не мог видеть ни циновки перед собой, ни стоящей на ней чайной чашки.

— И все-таки, — сказал он наконец, — это мой последний шанс.

— Ты понимаешь, — сказал невидимый в темноте Дзигуро Кано, — *этого* я не мог тебе посоветовать.

Сэр Ричард встал, и тотчас легко и бесшумно поднялся Дзигуро Кано.

— Вот твое оружие, — сказал он, — возьми.

Они не искали друг друга на ощупь, но находили сразу, как будто видели. Сэр Ричард затянул пояс и засунул за него пистолет и нож.

— Сейчас принесу тебе сандалии, — сказал Дзигуро Кано.

Он отошел куда-то в темноте и тотчас вернулся с парой соломенных сандалий.

Они сошли по ступенькам на траву. Дзигуро Кано вел своего гостя извилистой тропкой, осторожно, чтобы не повредить прекрасных растений. Стало прохладно. Дохнул ветер и принес запах сырых листьев. Дзигуро Кано остановился.

— От ограды иди прямо, — сказал он, — дойдешь до речки, спускайся по ней. Там должен быть мост. Это по ту сторону. Скоро они зажгут костер.

— Сохраните меч, — сказал сэр Ричард, — и спасибо за все, Учитель.

— Не знаю, не знаю, — сказал Дзигуро Кано. — Меч я сохраню. Ну... во всяком случае — удачи тебе.

И они, не видя друг друга, совершили медленный церемониальный поклон.

Потом сэр Ричард, найдя на ощупь низкую, не выше метра, кирпичную стенку, бархатную от старости, перепрыгнул через нее, отошел несколько шагов и остановился, ожидая, когда что-нибудь увидит.

Чаша темноты. Тьма прилипает к зрачкам. Плотный слепой мрак. Не тепло и не холодно. Вокруг деревья. Твердые в мягком мраке сухие стволы.

Легкие листья под ногами.

Сэр Ричард пошел медленно и неслышно. Просто по привычке.

Он не прятался. Это не было сознательное решение. Нельзя было знать, какой стиль поведения погубит наверняка и сразу, а какой позволит выиграть — если выиграть в принципе возможно.

Тьма, какая тьма. Может темнота уже выпила глаза. Никогда они уже ничего не увидят. Деревья стоят. Хотя они не видны, но вот они тут.

Неужели это настоящие деревья, что растут из земли своей силой, дышат, пьют и строят себя? Это сгустки мрака, неподвижный и сухой уплотненный мрак. И почва внизу — плоская плотная тьма под редкой травой.

Путь идет под уклон.

В этом мраке так легко потеряться насовсем, лишившись даже последнего — сознания последнего мига. Несправедливо и горько, но какая справедливость, когда так темно.

Сэр Ричард не замечал, чтобы за ним кто-нибудь следил, но судя по тому, что слышал раньше, мог этого так до конца и не заметить.

Какая тьма.

Сэр Ричард остановился, вскинул голову и повел ноздрями.

Он почуял запах свежей речной воды. Так пахнет медленная река в чистых берегах, с богатой здоровой травой на дне, с большими гладкими рыбами.

Что ж, пока все так. Хоть что-то достоверно. Он пошел дальше. Из ветвей вверху вдоль невидимых стволов тихо пал туман.

Могла ли быть какая-то мгла еще темней той темноты, что уже была? Но так стало.

Глухо, тихо. Тепло и влажно.

А туман, туман, он обволок, заполнил. Он сплошная мгла.

Но темнее тьмы он все же белый туман.

Этого не понять.

Под ногами оказалась твердая полоса почвы без травы. Это было похоже на тропу. Сэр Ричард прошел по ней несколько шагов. Тропа чуть уклонялась влево — видимо, к реке и вниз вдоль по ней.

Река вот рядом близко за деревьями. Туман плывет по ней. Он течет невидимый, скользит по лицу толстыми волокнами, легкими, как паутина, он слонится на отдельные пласты.

Вода глотает туман. Звуки как слабое медленное дыхание.

Хоть что-то слышно.

Тропа свернула вправо, сэр Ричард тоже повернул и через несколько шагов ступил на деревянный, круто выгибающийся настил. Под ним был мост. Он протянул руку, и она легла на гладкие перила. Он поднялся до середины моста и остановился.

Тьма очистилась. Река выпила туман. Взгляд проникает.

Отделилась поверхность воды. Гладкая и плоская, не блестит, но глухо закрывает все, что под ней, и не отражает того, что над.

Холодно. Легче дышать. Стал падать снег.

Возникают почти невидимые точки, медленно растут, пушатся. Большие одинаковые хлопья медленно опускаются, неощутимо ложатся на волосы, на плечи.

На дерево перил, на гладкую воду. Касаясь воды, исчезают. Белая сеть.
Сквозь нее сэра Ричард увидел костер на той стороне реки. Он спустился на тот берег и пошел на огонь.
У костра сидели люди. Сэр Ричард подходил неторопливой походкой праздного человека. Когда пламя костра осветило его, сидевшие обернулись.
— Доброй ночи, — сказал сэр Ричард.
— Доброй ночи, — ответил один, — милости просим к нашему огню.
Другие сидевшие пошевелились и освободили для сэра Ричарда место напротив этого человека.
— Благодарю вас, — сказал сэр Ричард.
Он сел на землю в кругу этих людей.
Их было восемь. Все одинаково одеты в черное, широкое и бесформенное. Они похожи друг на друга — все еще молодые, с гладкими широкими лицами, коротко стриженные, насколько можно видеть — невысокие и коренастые. Один — тот, кто ответил на приветствие сэра Ричарда и пригласил его — молодой человек заметно крупнее других, с красивым, хотя и грубоватым, но правильным лицом, большими глазами и яркими зубами. Он сидит в вольной позе.
— Мы ждем луну, — сказал молодой человек, — может, уважаемый гость не побрезгует разделить праздник полнолуния с простыми неотесанными людьми?
— Благодарю вас, — сказал сэр Ричард, — ваше приглашение для меня большая честь. Маленькое желтое пламя согревает недалеко, на темных волосах и одежде людей белеет снег. Они сидят неподвижно и молча, но не скованно, а так, словно для них проще всего — сидеть и молчать, опустив глаза. Перед тем, кто слева от главного, стоит на краю пламени глиняный чайничек, криво примощенный на трех камешках.
— Наш уважаемый гость — европеец? — сказал предводитель.
— Я не собирался вводить вас в заблуждение, — сказал сэр Ричард, — даже если бы надеялся, что произношение меня не выдаст. Этот мой маскарад просто случайность.
— Ну нет, говорите вы прекрасно, — сказал молодой предводитель, — дело совсем в другом.
Он спокойно и прямо смотрел в глаза сэра Ричарда. Сэр Ричард, как ни странно, не мог отделаться от мысли, что он уже видел этого человека.
— Никто из местных, — сказал предводитель, — не придет к нашему костру. Никто даже в парк не придет и даже днем. Здесь все знают, кто мы.
— Я знаю, кто вы, — сказал сэр Ричард.
Молодой предводитель смотрел все так же спокойно, только в глазах его что-то сосредоточилось. Он молчал чуть дольше, чем просто так.
— Ну что ж, — сказал он наконец, — тем больше нам лестно, что вы с нами на нашем празднике.
Он сделал знак тому, кто сидел слева, тот вынул чайник из костра, разлил вино в плоские чашки из фаянса и раздал их по кругу.
Тогда явилась луна.
Легкий свежий ветерок просквозил между деревьями и пошевелил траву. Неподвижные люди слегка покачнулись. Кто-то из них слегка вздохнул. Предводитель поднял свою чашку.
— Как прекрасно светит сегодня луна, — сказал он.
— Прекрасно, да, прекрасно, — откликнулись все.

Именно тогда, в том году и месяце, советский народ, и я в том числе, узнали про загадочное и злое сообщество под названием «ниндзя». Узнали, что люди-привидения, с раннего младенчества тренируясь, развивают в себе физические сверхспособности, а также пользуясь хитрыми приспособлениями, как бы летают по воздуху и проходят сквозь стены, все слышат и все видят. Без всякой мистики!

Все подняли чашки и понемножку отпили. Вместе со всеми сэр Ричард поднес чашку к губам и опустил, не коснувшись согретого вина. Хотя это было теперь, пожалуй, все равно. О белая луна с ее морями!

— Если наш уважаемый гость о нас слышал, — сказал Предводитель, — он должен знать, что живем мы обособленно и по-своему, и жизнь у нас несладкая. И есть у нас свои особые правила.

Он снова обернул к луне молодое лицо, и снова сэр Ричард подумал, что видел это лицо.

— Как прекрасно светит сегодня луна, — сказал Предводитель.

— Прекрасно, да, прекрасно, — откликнулись все и снова отпили из чашек.

Снег на волосах. В ладони теплый птенчик — чашечка сакэ.

— У нас такой обычай, — сказал Предводитель, — кто с нами повстречался, он не должен потом уже ни с кем, кроме нас, встречаться.

— Так я и думал, — сказал сэр Ричард, — очень разумный обычай.

Молодой человек быстро посмотрел на него и опустил глаза.

Он хотел, видимо, снова сказать о прекрасной луне, но не стал.

Он сидел, опустив голову и уперев ладони в колени.

Потом снова вскинул голову.

— Ночь на исходе, — сказал он. — Жилье у нас не такое, чтобы можно было пригласить знатного чужестранца даже ненадолго.

— У меня и в мыслях не было, — сказал сэр Ричард, — так злоупотреблять вашим гостеприимством.

Молодой человек хлопнул себя по коленям.

— Говорите, что вам нужно, — сказал он.

— У меня друзья в плену в замке, — сказал сэр Ричард. — Я не смог их освободить.

Прошу вашей помощи на любых условиях и — не обижайтесь, — за любую цену.

Предводитель снова опустил голову и в раздумье потер подбородок.

— Сегодня в замке был шум, — сказал он, — это вы?

— Я, — сказал сэр Ричард.

Предводитель снова задумался. Он не глядя протянул чашку подчиненному слева, тот наполнил ее вином, потом налил остальным.

— О цене говорить не будем, — сказал Предводитель, — из-за этого самого условия.

— Не вижу связи, — сказал сэр Ричард.

— А я вижу, — сказал Предводитель. — Ну что, напомним о себе тем, в замке?

Он улыбнулся неожиданно весело и просто и поднял чашку с вином.

— Как прекрасно светит сегодня луна, — сказал он.

— Прекрасно, да, прекрасно, — сказали все.

Рассказ Розы Хуснутдиновой «Как прекрасно светит сегодня луна» тогда впервые вышел в каком-то журнале, а может, дали прочесть рукопись. Прелесть, не удержалась, уплагиатила. Там лягушки любят, как японцы, а сочинить хайку им слабо. Вот и моей компании тоже.

Предводитель быстро выпил вино и встал.

И все встали. Сэр Ричард тоже.

— Дзиро, ты пойдешь, — сказал Предводитель. — Выведешь людей из замка через калитку за конюшней и полями поведешь к нижнему мосту. Потом... — тут он быстро и очень тихо произнес несколько фраз, видимо, на каком-то своем тайном жаргоне. — Вам придется пойти с ним, — сказал он, вскидывая темные глаза на сэра Ричарда, и сэр Ричард понял, почему это лицо казалось ему таким знакомым — под старость этот человек, если она у него будет, должен стать очень похож на Дзигуро Кано и Сасахара Исабуро.

— Вам придется пойти с ним, — сказал Предводитель, — ваши друзья не знают языка и не знают Дзиро. Видите, я нарушаю для вас обычай. Но говорите с ними поменьше.

Дзиро они не увидят. Проводите их через мост и оставьте там, на другой стороне они будут в полной безопасности. Возвращайтесь к Дзиро, он будет вас ждать. Наденьте это.

Он снял свой широкий балахон с капюшоном и остался в старой крестьянской одежде. Сэр Ричард взял плащ и надел, хотя ему не хотелось. Плащ был только немного короток. — Пошли, ребята, — сказал Предводитель. Его люди, кроме Дзиро, как-то незаметно двинулись с места и мгновенно исчезли. Он еще задержался на секунду.

— Прощайте, — сказал он.

Он поклонился. Сэр Ричард поклонился в ответ. И тут предводитель исчез, хотя на нем и не было темного плаща.

Сэр Ричард остался вдвоем с тем, кто был назначен ему в спутники. Тот поднял капюшон и спрятал лицо. Сэр Ричард сделал то же.

— Прощайте, — сказал он.

Он поклонился. Сэр Ричард поклонился в ответ. И тут предводитель исчез, хотя на нем и не было темного плаща.

Сэр Ричард остался вдвоем с тем, кто был назначен ему в спутники. Тот поднял капюшон и спрятал лицо. Сэр Ричард сделал то же.

.....

VIII

...потому что a векторно на a — всегда нуль, и значит ротор градиента t равен нулю для всякой скалярной функции, — думал Профессор. — Кажется, мистер Томпкинс опять потерял сознание... тем лучше для него. Точно так же путем выкладок на компонентах убеждаемся, что дивергенция ротора h всегда равна нулю. В таком случае, если ротор... какой мрак...

Профессор пытался отвлечься от мучений, уже давно невыносимых.

Окостеневшие мышцы стянутого в неестественном положении, столь долго насильственно неподвижного тела, жгучая жажда — и полная безнадежность. И темнота.

...если ротор некоторого векторного поля a равен нулю, то a непременно окажется чьим-то градиентом. Существует некоторое скалярное поле, такое что $a...$

Мы успели увидеть рассвет, но когда это было? Давно ли?

...что a равно градиент Ψ . Ну и разумеется, если существует векторное поле d , для которого дивергенция d — нуль, то можно заключить, что d это ротор некоторого векторного поля c .

Эти вопли и топот внизу... я был уверен, это так или иначе что-то изменит. К добру или к худу. Ничего не случилось. Или здесь это так... ежедневное упражнение?

Профессор и мистер Томпкинс не разговаривали. Каждый терпел молча. Каждый думал — вот еще только вздох, начну биться, кричать и извиваться на полу. Но каждый терпел дальше ради другого. Ужасно, если друг теряет власть над собой и помочь ему нельзя.

Здесь так темно, что по настоящему надо бы печатать вывороткой, но читать было бы трудно. Рассуждения профессора — результат попытки ознакомиться с «Лекциями по физике» Фейнмана. Тогда их можно было увидеть в каждом приличном доме.

...не очевидно ли, что в таком случае любой нуль — это всегда ротор градиента некоего скалярного поля и одновременно дивергенция ротора некоего векторного поля?

Какой смысл без конца прокручивать в уме одно и то же? Если сэр Ричард жив, то знает ли он, где мы? А если знает, что он может один? А может здесь все друг друга поубивали — вот когда эти крики — и мы будем лежать здесь, пока сами...

...любой нуль — ротор дивергенции и дивергенция ротора. Вот почему я не стал математиком. Слишком все возможно. Физики умнее, а до какого абсурда доходят...

Как тогда Кельвин вычислил возраст Земли... как потом геологи веселились. Большой конфуз был... готов спорить, что человек способен непосредственно воспринимать конфигурацию электростатического поля... я ничего не вижу и ничего не слышу... но дверь открыта... и даже воздух не шевельнулся... но дверь открыта... и рядом... Или правда та косточка в ухе воспринимает гравитационное излучение, и мы ощущаем присутствие большой массы, потому что здесь рядом со мной кто-то есть...

Профессор похолодел, весь рванувшись в своих веревках.

Он почувствовал прикосновение и слово такое тихое, словно он его и не услышал, а подумал: *м о л ч и т е*... Веревки натянулись и вдруг ослабели.

К Т О

К Т О

К Т О

Кто ведет и куда?

Только что на лестнице — почти бежали — тусклый сумрак, но не вовсе тьма — тот впереди — огромный, черный, бесформенный. Или это кажется? Тень без очертаний. Сколько можно стоять в темноте не дыша? И где?..

Где Т О Т ?

Профессору вдруг показалось, что проводник исчез, и они одни. В ужасе он протянул руку, рука его коснулась ткани, ткань подалась под рукой, словно была пустая. Он не выдержал.

— Сэр Ричард, это вы? — одним дыханием спросил Профессор.

Ни звука. А впереди явился слабый свет.

Он висел, как бледный мутный шарик. Он увеличивался, расплывался. На светлом пятне обозначилась крестообразная тень. Тень росла вместе со светом. Она стала как частый оконный переплет. Светлое пятно ограничилось снизу. Тут Профессор понял, что он давно уже слышит шаги — звук легких неторопливых шагов.

К решетчатой, затянутой бумагой стене шел кто-то со светом. Он подошел. На бумаге появилась его тень. Он вытянул руку — все было видно — отодвинул часть решетки и появился в проеме со стеклянным фонариком в руке. Лицо у него было желтое, заспанное. Он сделал шаг, два. Глаза его широко раскрылись и полные ужаса уставились прямо в глаза Профессора над плечом того, в черном. И Профессор тоже смотрел ему в глаза, не в силах перевести дыхание. Наконец вошедший очнулся и сделал движение назад — бежать, кричать — но никуда не убежал. Он вздрогнул, схватился рукой за щеку, лицо его мгновенно побелело, глаза остановились, он качнулся. Высокий в черной хламиде, заслонявший Профессора и мистера Томпкина, легко метнулся вперед, подхватил падающего, а другой рукой — готовый разбиться фонарик, осторожно опустил на пол неподвижное тело, поставил рядом светильник и скользнул в открытую стену, махнув им, чтобы они шли следом. Широкие длинные рукава скрывали кисти его рук. Лицо было до самых глаз закутано черным.

Вниз. Вниз. И снова вниз. Нас очень долго тащили вверх. Поворот и снова вниз по лестнице. Медленно-медленно ставить ногу на ступеньку, сохраняя при этом упор на другой ноге, чтобы эту сразу можно было отдернуть, если ступенька заскрипит. Потом так же осторожно снимать со ступеньки другую ногу... Сколько так можно спускаться? И сколько нужно? Очень болят ноги. У мистера Томпкина тоже. И надо очень тихо дышать. Тот, впереди, кажется вовсе не дышит. Мистер Томпкин дышит. Очень тихо. Сзади. Он идет, потому что я иду... Нет. Так нельзя. Мы идем из одной ловушки в другую...

Сейчас я остановлюсь. Если это не сэр Ричард...

Я остановлюсь.

Вот. Сейчас. Впереди опять свет. Выход на галерею. Луна...

Пусть откроет лицо.

Нет. Не могу. Не смею...

Но одно слово. Шепотом. Нет, не надо. Только взять за руку, я сразу узнаю...

Тут что-то произошло. Профессор успел только почувствовать, как тот, впереди, вздрогнул и подался назад. Потом его подхватило и швырнуло.

Может быть, нечего больше ждать? Нет смысла стоять затаившись, можно выпрямиться, обойти помещение — не крадучись, просто, убедиться, что выхода нет, лечь на пол и заснуть.

Так резко, стремительно и неожиданно произошел разрыв с той, прошлой секундой, когда они еще стояли вместе на той ступеньке, что Профессор все еще внутренне был там и не мог поверить, что мистера Томпкинса с ним рядом нет.

Его, Профессора, кто-то схватил и поволок. Кто-то этот был невероятной силы.

Профессор даже не слышал усиленного дыхания того, кто тащил его почти на руках, и втащил и втолкнул сюда, в этот угол под наклонной стеной, а сам бесшумно и мгновенно исчез. Может он стоит рядом — руку протяни и коснешься пустой ткани. Или где-то за пятью стенами, десятью поворотами, двумя этажами в освещенной комнате разматывает черный шарф, рассказывает, смеясь, (на каком языке рассказывает?), как они крались за ним, как он ловко их привел, разъединив, в подземную тюрьму... И мистер Томпкинс... Профессор глубоко вдохнул воздух и шагнул вперед. Вернее он только хотел шагнуть, только сделал движение и тут же отпрянул, вжался в наклонную стенку.

Это было как взрыв. Свет и звук, несильные сами по себе, как бритвой полоснули по натянутым нервам. Во мраке вдруг проявились ровные горизонтальные полосы света. За ними слышались шаги, голоса, нестройное звяканье металла. Шум приближался, полосы светлели. На полу перед собой Профессор увидел тоже мутную, размытую полосу света. И вдруг все понял. Он стоял под лестницей. Лестница была не сплошная, а из уложенных ступенями досок. К этой лестнице направлялась группа людей с фонарями или факелами. В просветы между ступенями он сейчас увидит этих людей. Но его темный угол, где он стоит прижавшись, тоже сейчас разлинован полосами света, и один случайный взгляд в щель между досками... Только бы его не заметили первые, пока не ступят на лестницу — остальным они ее заслонят, и сами, поднимаясь, ничего не увидят сквозь сужающиеся щели. Только вот этот миг, когда они окажутся лицом к лицу, разделенные лестницей, как наклонной решеткой. Вдруг он увидел это лицо — сначала в одной прорези, потом в другой мелькнули глаза и рот. Человек говорил что-то резко, полуобернувшись назад. Свет задрожал, сбился, в прорезях замелькали ноги в сандалиях и обмотках. Световые полосы побежали по лицу вниз. Невольно опустив за ними взгляд, Профессор увидел — и вздрогнул, как от удара током — в двух шагах от себя справа маленькую босую ногу. Это было страшнее, чем проходящая над головой стража с фонарями. Нога тут же исчезла, но в его потрясенном мозгу она запечатлелась как моментальный снимок, и этот снимок он теперь, холодея от ужаса, разглядывал. Это была маленькая, но безусловно не женская нога. Она казалась увеличенной ногой годовалого ребенка — округлая, гладкая, с плотно прижатыми ровными короткими пальцами.

Профессор по-прежнему не знал, кто был его таинственный проводник. Но он очень хорошо знал теперь, *кто он не был*. Значит, не было никакой надежды. Никто их не освобождал. Все это были внутренние дела, один хищник урвал добычу у другого. Он и мистер Томпкинс должны стать орудиями какого-нибудь шантажа, интриги. А мистер Томпкинс шел за ним, потому что привык идти за ним, а он шел за тем, кто разрезал на нем веревки, повинуюсь инстинктивному порыву доверия.

И все-таки, веревок на них теперь нет. Странно, очень странно. Он казался таким высоким. Эта странная кукольная нога...

Давно уже было опять темно. Надо было решать, что же делать. Ждать? Начать действовать самому?

Как-то вдруг стало прохладно, легкие вдохнули влажную свежесть. Впереди и в стороне наметилось туманное бледное пятно. Это не опасный желтый свет, который несут чужие, странные люди. Это, может быть, выход из лабиринта, вольное небо, ночь, луна...

Профессор невольно шагнул в сторону серого света, уже принявшего форму прямоугольника. Шагнул и замер. Тот, который как будто был рядом, не остановил его. Может его и не было. Профессор снова шагнул вперед. Теперь, один, он, казалось ему, движется страшно шумно и неловко. Это оказалось ближе, чем он думал. Протянутая рука коснулась края стены, тело медленно подтянулось к ней. Профессор осторожно выглянул в дверь.

Он увидел перила, столб, бледную мглу. Он ступил сквозь дверь на упругий дощатый настил. Впереди, где галерея поворачивала, огибая здание, стояли два человека. Один был мистер Томпкинс. Другой высокий, бесформенный.

Теперь они стояли в крошечной тьме рядом. Одни. И уже долго. Тот опять исчез. Профессор почувствовал, как вздрогнул мистер Томпкинс. В тот же миг он увидел впереди вертикальный луч света и тоже вздрогнул. Луч превратился в узкую щель. Щель — в узкий прямоугольник. Перед ними была медленно и плавно открывающаяся дверь. Прямоугольник перестал расти. Свет, показавшийся им после темноты ослепительным, был тусклый на самом деле. Он слабо освещал помещение, должно быть большое, потому что сквозь дверь не было видно стен, а только дощатый пол и на нем циновки. Оттуда слабо тянуло каким-то запахом, каким-то странным, не то, чтобы неприятным — то ли сладким, то ли смолистым. Вдруг в светлом прямоугольнике возникла черная фигура. Это был тот, конечно. Он стоял к ним спиной, разглядывая светлое помещение. Они не могли бы сказать, откуда он появился, изнутри или с этой стороны. Он постоял немного, потом обернулся, махнул им рукой, чтобы они шли за ним, и вошел туда. Профессор ничего не успел увидеть в ту четверть мига, когда этот человек повернулся в профиль, только глаз в узкой щели между черными тряпками. Но что-то было еще, что-то было такое в движении этого человека, когда он шагнул в тусклый свет, прочь от них, что-то такое, отчего у Профессора перехватило дыхание. Но он не был уверен, что в самом деле была та странность в движении, которую он так надеялся увидеть. Он боялся, что обманывает себя. И все же он покорно пошел следом, и мистер Томпкинс пошел за ним. Когда свет упал на их лица, Профессор остановился и оглянулся. Он увидел суровое, осунувшееся лицо мистера Томпкинса и его горящий тревожный взгляд, и снова его кольнула мысль, что он губит вместе с собой своего молодого друга.

Они вошли в низкий обширный зал. На полу лежало множество циновок, разложенных и скатанных в трубку. Вдоль стен в длинных стойках стояло оружие — копья, мечи, луки. Там же висело всякое барахло, какие-то ремни, тряпье, фонари, фляжки. Здесь, внутри, сильнее пахло тем же дымным и сладким, и еще как бы угаром. В дальнем конце левой стены была приоткрытая дверь. Тот, в черном, был около двери. И там же, в дальнем конце, на циновках лежали люди.

Скорее всего они там просто спали — полуголые, прикрытые тонкими одеялами. И значит любой из них мог проснуться и вдруг увидеть трех посторонних... Но они как-то уж очень крепко спали. Или они... н е с п а л и ?

Один из спящих пошевелился, застонал и перевернулся на спину. Профессор остановился, сердце его тоже остановилось. Он схватил мистера Томпкинса за локоть. Спящий не двигался больше. Профессор, застыв, смотрел на него. Он знал уже, что это пустяк, что спящий проспит сколько надо, никто не проснется, пока они не выйдут наружу, и еще некоторое время. Он сам не знал, почему он это знает. Ему надо было разглядеть нечто более любопытное, чем лицо солдата, спящего с открытым ртом. Его больше всего занимали ноги того субъекта в черном. Он заметил, что подол черного одеяния не доходит до пола, больше ничего не заметил, только ему показалось, что этот человек в сандалиях. Но он не был уверен. Это обязательно надо было выяснить, но Профессор, словно оцепенев, продолжал глядеть на солдата, постепенно осознавая, что в стороне справа, захваченный боковым зрением, какой-то предмет назойливо требует его внимания.

Наконец Профессор с усилием оторвал взгляд, повернулся вправо — и чуть не вскрикнул. Там у стены, между какими-то дурацкими, хотя несомненно очень острыми пиками, стоял винчестер сэра Ричарда...

Тот винчестер, который мистер Томпкинс еще там, на свалке, сунул ему в руки. Тот, который у него вырвали из рук у телефонной будки.

Разумеется, нельзя было бросить благородное оружие в убогой кордегардии. Но дело было не в этом. Увидев знакомый черно-синий ствол и гладкое коричневое ложе, это знакомое строгое совершенство, лишённое украшений, Профессор вдруг почувствовал себя так, словно ему только что гарантировали немедленное освобождение и полную безопасность. Он отпустил руку мистера Томпкинса и уверенно направился в угол, где стоял винчестер. Он спокойно переступил через ноги спящего человека, взял ружье, повернулся, и тут комната качнулась, мягко загудело в ушах, и стало темно. Профессор судорожно глотнул воздух и вдруг понял. Запах! Это был тот запах, который он уже перестал замечать! Профессор отчаянно махнул рукой мистеру Томпкинсу и сам бросился к двери, уже не глядя под ноги. Он выскочил через дверь, и мистер Томпкинс за ним. Они оказались на вымощенной камнем дорожке между грубых каменных стен. Над ними было туманное серое небо. Впереди двигалась высокая темная фигура, и снова Профессор подумал, что у этого человека не совсем обычная походка.

.....

Сэр Ричард медленно шел обратно через тонкий, вибрирующий под ногами мост. Луна давно опустилась в бледный туман, но солнце было еще глубоко внизу. Пора, пора было кончать эту затянувшуюся ночь.

Только что, минуту назад, на том берегу, Профессор снова спросил шепотом, с отчаянием и страхом: сэр Ричард, это вы? А он, не отвечая, повторял снова и снова, как заклинание, и тоже шепотом:

— Ложитесь и спите. И что бы ни было, не переходите через мост.

Он знал, что они не уйдут. Они вернутся и будут искать его. Но он ничего уже не мог сделать.

Теперь под ногами у него был светлый плотно слежавшийся песок с неровными пятнами жесткой травы. Песок и трава были влажные. Впереди темнел низкий редкий кустарник. Отсюда, от края кустарника, сэр Ричард увидел реку и мост, когда они еще шли туда, и в тот же миг перестал чувствовать присутствие своего спутника. Теперь на этом же самом месте он вдруг вспомнил, что он все еще в своем маскарадном балахоне. Он скинул балахон и пошел дальше, волоча его за собой. Чахлые кусты слабо шелестели длинными листьями. Безрассветный сумрак и не думал светлеть. Пора, пора было кончать.

Где он спрячется, безмолвный исполнитель? И почему спрячется? Может быть он намерен — согласно полученной инструкции — избавить его, сэра Ричарда от всяких неприятных затруднений в такой щекотливой ситуации? С них станется, с благодетелей. Сэр Ричард шел все дальше среди низких, по пояс, кустов и не думал ни о чем, даже о солнце, которого все не было. Он только чувствовал отвращение к себе, к тому, кто спрячется, и к тому, что должно произойти. Наконец он рассердился. Он остановился, оглянулся по сторонам и негромко свистнул. Темный спутник мгновенно появился рядом.

— Я ждал вас, — негромко сказал он.

Капюшон его был откинут. Он не поднимал головы. Сэр Ричард смотрел на его стриженую голову.

— Вы не возражаете, — сказал сэр Ричард, — если я сделаю это сам?

— Как вам угодно, — тихо сказал Дзиро.

Они оба опустили на колени и сели друг против друга.

Сэр Ричард вынул пистолет из-за пояса и проверил патроны в барабане.

— Не хотите ли вы сделать какие-нибудь распоряжения? — сказал Дзиро все так же тихо и не поднимая глаз.

Сэр Ричард удивился и опустил пистолет. Какие у него могли быть еще распоряжения? Тут он вспомнил.

— Вы могли бы разыскать одного человека в городе и передать ему мою просьбу? — сказал он.

— Да, конечно, — сказал Дзиро, — это нетрудно.

— Этот человек полковник Герн, — сказал сэр Ричард. — Вы попросите его отправить деньги — он знает какие — в город Мандалей, одному доброму человеку. Мандалей, Опен-стрит, 21-9-160.

— Он поверит, что я от вас?

— Этот адрес — одновременно пароль, — сказал сэр Ричард.

— Это будет исполнено, — тихо сказал Дзиро.

— Благодарю вас, — сказал сэр Ричард.

С делами было покончено. Сэр Ричард последний раз взглянул на склоненную стриженую голову, потом на светлое серое небо над ней. Он закрыл глаза, поднес пистолет к виску, прочел молитву и спустил курок.

Что-то сильно и резко рвануло его за руку. Грохнул выстрел, пуля свистнула в кусты.

Висок обожгло горячим пороховым газом.

— Какого дьявола?! — сказал сэр Ричард, открывая глаза.

Дзиро сидел перед ним, смиренно сложив руки на коленях. Конечно, это он — кому же еще? Невероятным усилием скрутив ярость в комок, сэр Ричард не перевел свое восклицание на язык, понятный Дзиро. Он не должен был показать, сколь оскорбительно для него бесцеремонное и грубое движение, сохранившее ему жизнь. Все же подарок был не вовсе нестоящий; да и порядки здесь были свои. Он молчал.

— Мне было приказано, — сказал Дзиро, поднимая голову, — убедиться в вашей решимости до конца выполнить условие, о котором говорилось. И... проститься с вами.

Сэр Ричард смотрел в простые глаза, которых он до этого не видел. Больше всего ему хотелось врезать спасителю в челюсть, но это было невозможно по целому ряду причин.

— Почему вы это сделали? — спросил сэр Ричард. — Почему вы спасли нас? И нарушили традицию?

— Это тоже традиция, — сказал Дзиро. — Время от времени мы должны помочь кому-нибудь — тому, кто сам уже сделал все, что мог. Ваше распоряжение остается в силе?

— Может быть ваша традиция позволяет вам... — начал сэр Ричард.

— Ни в коем случае, — сказал Дзиро.

— Тогда — да, — сказал сэр Ричард. — Но, хотя бы вот это, Дзиро, — это вы можете взять на память?

Он протянул Дзиро пистолет, держа его за ствол. Ствол был еще теплый. Дзиро очень почтительно обеими руками принял оружие.

— Я передам это начальнику, — сказал он.

— Как хотите, — сказал сэр Ричард, протягивая руку и тут же снова опустив ее. — О, простите...

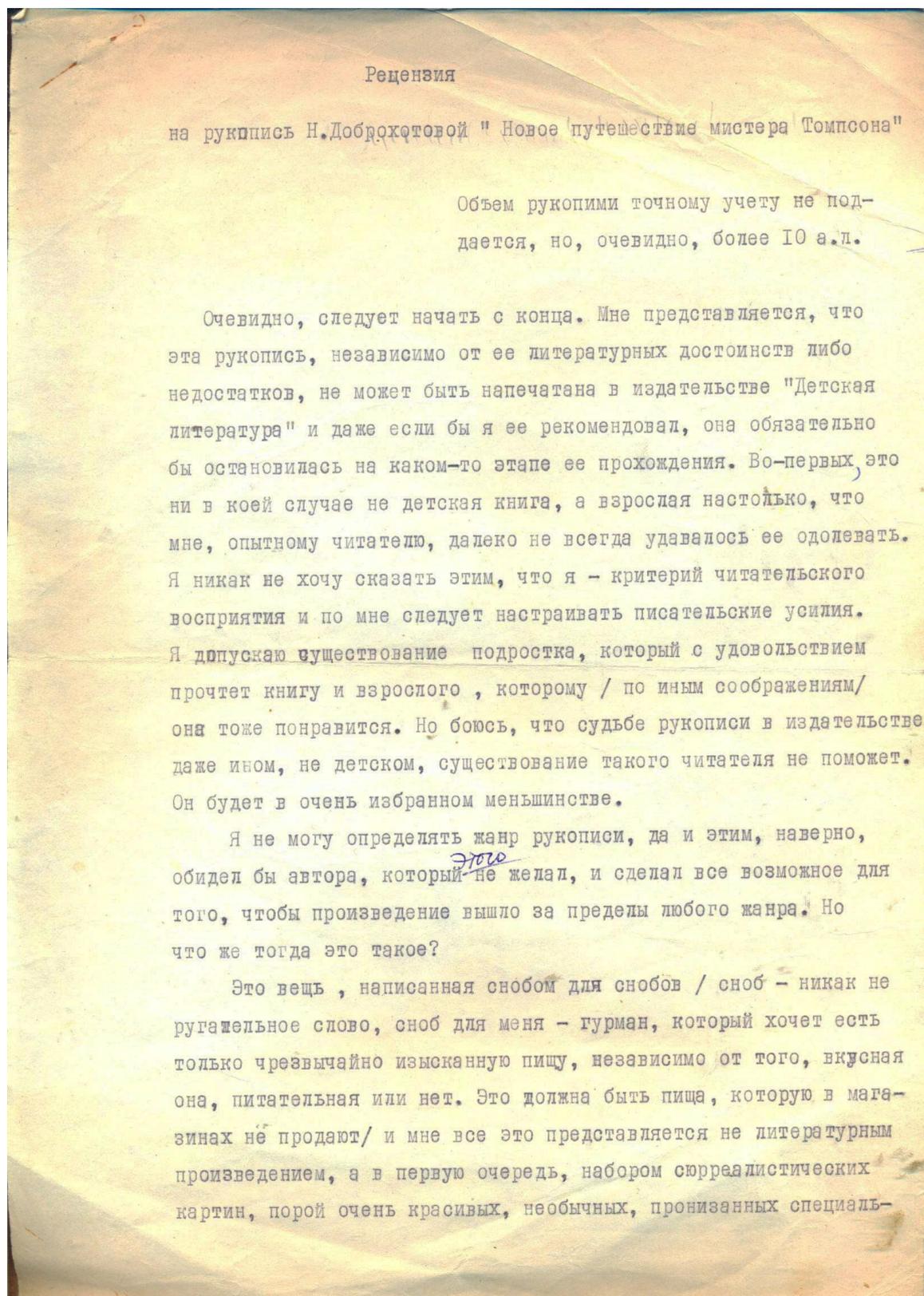
— Я понял, — сказал Дзиро и смущенно улыбнулся.

Он сам неумело протянул руку, и они обменялись рукопожатием. Сэр Ричард и сам не помнил, как он пробирался обратно через кусты, как тащился к реке, как перешел через мост. Его шатало. Он нашел спящих Профессора и мистера Томпкинса, повалился на песок рядом с ними и сразу заснул. А ночь все еще не кончилась.

*Владычица, влажные очи
Склони над недолгим покоем
Седает песок пред рассветом
Тростник шелестит, наклоняясь
Над горькой водою. С Востока*

*На Запад сквозь тающий сумрак
Холодное время струится.
Настанет тревожное утро.
Усни, безнадежное сердце.*

Самое время предъявить документ, рецензию в Детгизе, в которой знаменитый фантаст Кир. Булычев (И.Можейко) попрекает меня плохими стихами. Я отнесла знакомой неоконченную рукопись, не приписав «Продолжение следует», и получился вроде бы литературный прием. Довольно нелепый.

Первая страница, всего их три. Даты, к сожалению, нет – наверно, с датой было бы недействительно. Первая публикация была в ЖЖ 24 мая 2022 года. Расшифровка.

Рецензия на рукопись Н. Доброхотовой «Новое путешествие мистера Томпкинса».

Объем рукописи точному учету не поддается, но, очевидно, более 10 а.л.

Очевидно, следует начать с конца. Мне представляется, что эта рукопись, независимо от ее литературных достоинств или недостатков, не может быть напечатана в издательстве «Детская литература» и даже если бы я ее рекомендовал, она обязательно бы остановилась на каком-то этапе ее прохождения. Во-первых, это ни в коем случае не детская книга, а взрослая настолько, что мне, опытному читателю, не всегда удавалось ее одолевать. Я никак не хочу сказать этим, что я — критерий читательского восприятия и по мне следует настраивать писательские усилия. Я допускаю существование подростка, который с удовольствием прочтет книгу и взрослого, которому (по иным соображениям) она тоже понравится. Но боюсь, что судьбе рукописи в издательстве, даже ином, не детском, существование такого читателя не поможет. Он будет в очень избранном меньшинстве.

Я не могу определить жанр рукописи, да и этим, наверно, обидел бы автора, который этого не желал, и сделал все возможное для того, чтобы произведение вышло за пределы любого жанра. Но что же тогда это такое?

Это вещь, написанная снобом для снобов (сноб — никак не ругательное слово, сноб для меня — гурман, который хочет есть только чрезвычайно изысканную пищу, независимо от того, вкусная она, питательная или нет. Это должна быть пища, которую в магазинах не продают) и мне это представляется не литературным произведением, а в первую очередь, набором сюрреалистических картин, порой очень красивых, необычных, пронизанных специальным, порой тонким настроением иронии. Это альбом походов масок в мире без измерений и законов, и сюрреалистичность картин этого альбома подчеркивается и тем, что автор, полагая до определенной степени сознательно, отказал маскам в праве на характеры — не это важно в разноцветном, жутковатом, иногда лукавом пейзаже, пейзаж сам по себе важен, как важны прокладки — графические листы формул и игры в Кэррола. С сюжетом как таковым автор борется отчаянно. Иногда литература через слабость автора — умение владеть словом и желание им владеть — старается забраться на страницы книги, но, спохватываясь, Доброхотова эту литературу гонит из книги каленой метлой. Характерный пример: в любом произведении единого плана, даже в абстрактном литературном произведении соблюдаются законы архитектоники. Здесь же по ходу дела с такой легкостью откидываются и предаются забвению заявки на развитие сюжета (повторяю, не требую я сюжета реального, раз уж произведение нереально), что к концу возникает глубокое убеждение, что последние пятьдесят страниц книги попросту потеряны — ты остаешься с открытым ртом, а кусок хлеба выхватили.

Можно ли делать конкретные замечания произведению, которое построено на отрицании логики, можно ли судить по законам реальной литературы (а издается у нас только реальная литература — хорошо это или плохо, но приходится мириться) такую вещь — сомневаюсь. Допустим, мне кажется, что любясь собственной иронией, Доброхотова вдруг теряет чувство вкуса — а вкус у автора есть. Черная ирония — не буду называть это черным юмором — сцены у пиратов нарушаются цитированием песенки Успенского и получается — хи-хи! — это режет глаз. Или чувствуешь это во фразе «Сэр Ричард, у вас спина белая» — с прямой цитатой. Но если автор именно таким способом желал меня подразнить?

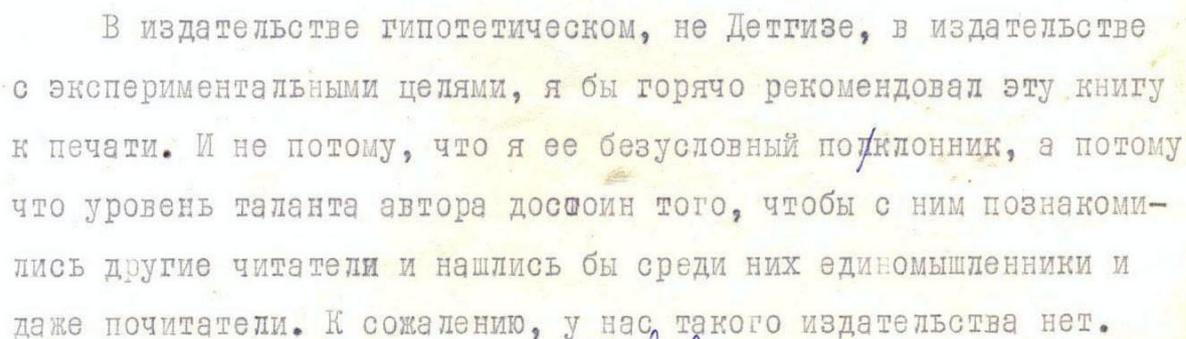
Или еще: В путешествии Томпсона по потустороннему миру его сопровождают человечки — словно условные фигурки из популярной математики. Это сразу дает контраст с кэрроловским ощущением этого ирреального путешествия. Но это снова разговор о том, что автор не хочет давать характеров. Мне кажется, что это придает повествованию монотонность и лишает многого и автора и читателя. Но где гарантия, что Доброхотова не пошла на это сознательно?

Герои все время проваливаются и падают — любимое их занятие. Нечаянная ли это небрежность автора или ход?

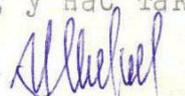
Как видите, я никак не рассматриваю произведение Доброхотовой как нечто, имеющее отношение к литературе графоманской. Нет, написано все это талантливым человеком, скорее художником, чем писателем. Но если бы меня могли бы убедить, что в этом нет большой доли кокетства, желанья удивить друзей, желанья получить восторженную похвалу от товарища-сноба, мне было бы куда легче.

И ведь читал я это и думал порой — вот здорово сделала Доброхотова! Но Доброхотова тут же, словно испугавшись читателя обыкновенного, начинает безнадежно долго приводить хорошие, а чаще дурные стихи, играть в «математические досуги» и я ощущаю, как теряется великолепная ирония, как игра ума, ловкая и тонкая, тонет в снобизме и хочется сказать — давайте, нарушая правила игры, придумаем правила их нарушения. В издательстве гипотетическом, не Детгизе, в издательстве с экспериментальными целями, я бы горячо рекомендовал эту книгу к печати. И не потому, что я ее безусловный поклонник, а потому что уровень таланта автора достоин того, чтобы с ним познакомились другие читатели и нашлись бы среди них единомышленники и почитатели. К сожалению, у нас такого издательства нет.

И.Можейко.

В издательстве гипотетическом, не Детгизе, в издательстве с экспериментальными целями, я бы горячо рекомендовал эту книгу к печати. И не потому, что я ее безусловный поклонник, а потому что уровень таланта автора достоин того, чтобы с ним познакомились другие читатели и нашлись бы среди них единомышленники и даже почитатели. К сожалению, у нас такого издательства нет.

И.Можейко.

Уважаемый рецензент предположил, что роману не хватает 50 страниц.

В законченном тексте, который вот здесь понемножку публикуется, около 20, может больше, если подберутся картинки. В машинописном было бы около 50. Пример литературной интуиции профессионального писателя!

Конечно, я горжусь этой рецензией. Очень трогательно, что рука И.М. машинально набирала «полковник», а потом исправила на «поклонник». «Не будь я полковник», Хлебников, кажется «Чортик».

.....

Профессор первый проснулся в то утро. Он вздрогнул, сел и сразу увидел сэра Ричарда. Сэр Ричард лежал, вытянувшись и спрятав лицо в сгибе локтя, но Профессор сразу узнал его, с первого взгляда, несмотря на нелепую белую одежду. Рядом лежал мистер Томпкинс. Во сне он вздрагивал и стонал. Было туманно и холодно. Профессор подумал, что хорошо бы поискать топлива для костра, чтобы его друзья, проснувшись, согрелись. Он попытался встать — это было нелегко. Во всем теле была мучительная боль после вчерашних веревок и сна на сыром песке. Его движение разбудило сэра Ричарда. — Доброе утро, господин Профессор, — сказал сэр Ричард, переворачиваясь на спину и закидывая руки за голову. — Вчера я выиграл миллион. — Вернее, позавчера, — сказал сэр Ричард, подумав немного.

— Что это на вас надето, сэр Ричард? — спросил Профессор, хотя ему хотелось задать совсем другой вопрос.

— Костюм бойца дзюдо, — сказал сэр Ричард. — Один... человек одолжил мне это. Моя одежда была вся... вся грязная.

— Вы были ранены? — тревожно спросил Профессор.

— Нет, не беспокойтесь, — сказал сэр Ричард. — Так вот этот миллион. Деньги у одного моего знакомого в городе. Я просил его отправить их в Мандалей. Видите ли... я тогда не думал, что у меня будет возможность вернуться за ними...

— На Опен-стрит? — сказал Профессор. — Это вы хорошо придумали. Конечно, мы не будем возвращаться. Примета дурная, да и затруднительно это, мне кажется...

Он посмотрел на сэра Ричарда и тут же отвел глаза. Не стоило ни о чем спрашивать, это было ясно.

— И вообще миллион — это слишком много, — продолжал Профессор. — Хотя, конечно, мы остались без всякого снаряжения совершенно... Сколько нам еще идти?

— От форта до места, — сказал сэр Ричард, — раньше было несколько часов хорошей скачки. Но это было давно, и мы здорово забрали в сторону. Не знаю.

— Ландшафт не райский, — сказал Профессор, — а у нас только ваше ружье. А это еще откуда?!

Рядом с мистером Томпкинсом на песке лежал изящный боевой лук и футляр со стрелами.

— Впрочем, — сказал Профессор, — эти деньги все равно мистера Томпкинса, ему и решать.

— Я не сплю, — сказал мистер Томпкинс. Он потер глаза, но они не открывались. — Конечно на Опен-стрит, куда же еще? Мы лучше так, налегке... А лук я взял, когда вы взяли ружье, господин Профессор. Я решил, значит, надо вооружаться...

— Нам больше пригодился бы чайник, — сказал Профессор и вздохнул. — Может быть, сделаем костер? Хоть согреемся.

— Не стоит, — сказал сэр Ричард, вставая. — Пойдемте отсюда. Для привала найдем место получше.

Эта история — лёгкое заигрывание с судьбой. Нам всегда ужасно хотелось, чтобы на нас вдруг свалились огромные деньги! Потому что у нас часто никаких не было. Опенстрит — понятно, наш адрес, «Открытое шоссе». «Мандалей» — это Зов Востока, Киплинг, «На дороге в Мандалей». Перед отъездом в Израиль подруга шифровала адреса в записной книжке, советские нельзя было вывозить. Ленинград назывался Лондон, Таллин (она оттуда) — Тель-авив. Москва — Милан. Милана получалось подозрительно много, и я предложила первое, что пришло в голову.

Миллион советских рублей была огромная сумма! Первый взнос за квартиру — 2 тыс. Машина стоила непропорционально дорого, 20 тысяч! Зарплата 150 руб. была нормой. Вот и судите сами, я заказала в воздух несметное богатство. Кари посмеялась ещё: думаешь, будет тебе миллион? Но миллион-то у нас в руках был! Кари давно не было, было много тревожных и ужасных вещей, а потом мы с Таней стали получать гонорары в миллионах. И работы, и миллионов у нас тогда было много! Конечно, мы вспомнили этот эпизод.

Сначала каждый шаг был пыткой, но потом пригрело солнышко, окоченевшие мышцы расправились, стало легче, только от голода кружилась голова. Меньше, чем через час они остановились на краю глубокого оврага, до краев заросшего зелено-желтыми деревьями вроде акации. В листве кричали невидимые птицы. Сэр Ричард постоял немного, прислушиваясь к птицам — они так спокойно, деловито перекликались.

— Рискнем, — сказал сэр Ричард, — спускаемся. Но будьте осторожны.

По дну оврага медленно двигалась ленивая темная вода, сплошь устланная огромными круглыми листьями.

— Ого, — сказал мистер Томпкинс, — это и есть знаменитая Виктория Регия?

— О нет, — сказал Профессор, — это растение много любопытней. Это Эвриала — сама себе и вид, и род. Третичный реликт. До сих пор считалась эндемом долины Уссури, а мы вот где ее нашли. Пустычок, но маленькое научное открытие. Между листьями торчали из воды мохнатые лиловые цветы. Листья тоже были мохнатые, морщинистые, страшные.

Как-то не сговариваясь решили отдохнуть здесь подольше. Такая располагающая была лужайка с короткой упругой травой. Сухих веток сколько угодно, вода в ручье прекрасная, только пить ее, правда,

приходилось из ладоней. Совсем рядом, за кустами, кто-то не то залаял, не то захрюкал. Мистер Томпкинс вздохнул от голода.

— Минутку, — сказал сэр Ричард. Он шагнул в сторону чащи и вдруг вернулся.

— Мистер Томпкинс, — сказал сэр Ричард, — вы стреляете из лука?

— Я был чемпионом колледжа, — сказал мистер Томпкинс.

— Хотите тряхнуть стариной?

— С радостью бы, — сказал мистер Томпкинс, — только руки у меня после вчерашнего как не мои. Мне, пожалуй, и стрелу не наложить. Но может вы хотите попробовать?

Сэр Ричард взял протянутый лук и осмотрел.

— Хорошая система, — сказал сэр Ричард, — не очень сильный лук, но очень точный.

Спасибо, я воспользуюсь вашей любезностью. Патронов у нас немного.

Мистер Томпкинс подал ему цилиндрический футляр со стрелами, но сэр Ричард взял одну стрелу, как берут сигарету из предложенной пачки, и скрылся в лесу.

— Мастер, — сказал Профессор, взглянув ему вслед.

В чаще отчаянно взвизгнуло неизвестное животное, но только один раз.

— Мастер, — повторил Профессор.

Сэр Ричард вернулся с убитым зверьком. Зверь был со среднюю собаку, но с рожками. За ухом у него торчала стрела. Сэр Ричард бросил добычу на траву возле груды хвороста, собранной для костра, вырвал стрелу, вытер ее о траву и вернул мистеру Томпкинсу.

— Вот еще продукт природы, — сказал Профессор, — рекомендую, мистер Томпкинс: олень-мунтжак. Шесть хромосом, как у комара.

— А есть его можно? — сказал мистер Томпкинс.

— Вполне, — сказал Профессор. — Он хотя и маленький, но...

Сэр Ричард отрезал животному ножки и вспорол шкуру до самого подбородка. Несколько неуловимых движений, и зверек вынулся из своей шкурки, как рука из перчатки...

Мистер Томпкинс смотрел как зачарованный. Сколько раз он уже видел этот фокус и все не мог понять, восхищает его это зрелище или отталкивает. Тут он тихо упрекнул себя в ханжестве и пошел собирать хворост, потому что хворост горит быстро.

Навстречу ему от ручья шел Профессор — в засученных штанах, с мокрыми босыми ногами и счастливой улыбкой на лице.

После завтрака, на гладкой зеленой траве, на солнышке мистер Томпкинс почувствовал такое блаженство, что почти сразу заснул. Профессор, кажется, тоже дремал. Сэр Ричард машинально сунул руку в карман за трубкой, но ни трубки, ни кармана у него теперь не было. Он тихо выругался и пододвинул к себе ружье.

Эти два дня застряли у него в памяти, как ржавый гвоздь.

За каким дьяволом он пошел в казино? С этого все началось. Нелепая, мальчишеская выходка... и вот нет чудесного человека, нет старого воина. Эти черные... выстрел в кустах...

Его передернуло.

Но дело было не в этом.

Он знал, что без ошибок прожить нельзя, что эти воспоминания, как и многие другие, он будет с мукой и стыдом носить в себе до последнего часа, и что это никак не мешает ему в ежедневных делах — они как правило были сложные, опасные и требовали предельного внимания. Но что-то еще вчерашнее беспокоило его, что-то он тогда не понял, а что именно — забыл. Он силился вспомнить, что же это было, и не мог, и ему все больше казалось, что это обязательно необходимо вспомнить. Что-то было там недолжное, опасное, гнетущее...

Вдруг сэр Ричард вздрогнул, у него перехватило дыхание.

Не вчера, не там, а здесь, сейчас нависла тайная жуткая опасность. Здесь, сейчас нельзя было им находиться! Опасность! Смертельная опасность!

— Тревога! — крикнул сэр Ричард, вскакивая, хотя ничего еще не видел.

Мгновенно лесная чаща разверзлась, и с деревьев посыпались, визжа и рыча — сэр Ричард выстрелил, первый из нападающих покатился по траве с разможенным лицом — кто? — он выстрелил еще — отвратительные, с редкой рыжей шерстью, розовой кожей, с огромными руками, с мясистыми мордами —

— Бегите, — кричал сэр Ричард, отступая к ручью и всаживая пулю за пулей в беснующихся тварей, которым всего несколько шагов нужно было, чтобы зайти ему за спину и схватить его безоружных спутников, — бегите через ручей, вверх, скорее! — но кто же это? гориллы-альбиносы? племя дикарей? обезьянолюди?

Сэр Ричард не слышал всплеска воды, и, обернувшись на долю секунды, он увидел, что Профессор и мистер Томпкинс перебегают ручей по листьям Эвриалы, как по льдинам. Сэр Ричард стрелял, и одна за другой обезьяны валились, хрипя и хватая землю лапами с отставленным большим пальцем. Почему-то ни один из них не пытался отбежать подальше в сторону и перейти ручей по листьям. Может быть они слишком тяжелы для этого? Боятся воды? Они все сгрудились вокруг сэра Ричарда, метались, бросались на землю, чтобы избежать пуль, это не помогало, но их все равно становилось все больше. Сейчас кончатся патроны. Даже если успеть взбежать по склону оврага, пока эти твари не решаются перейти ручей, удержит ли их потом открытая местность?

— Сэр Ричард, — крикнул Профессор с другого берега, — сюда, скорее! Они сейчас бросятся на вас все сразу!

Сэр Ричард перепрыгнул с берега на ближний лист. Лист плавно качнулся под ним и выправился. Толпа зверей с воем покатила к ручью, но вдруг — сэр Ричард не стрелял — с того берега тонкая стрела, как стрекоза, в самой середине толпы выбрала самое здоровенное чудовище и вонзилась ему в глаз...

Раненое животное произвело смятение среди своих собратьев больше, чем десяток убитых. Оно выло и каталось по земле; остальные обступили его кольцом. Сэр Ричард перебежал ручей, и все трое бросились вверх по склону, ожидая каждую секунду нападения сзади, сверху, спереди...

Никто на них не напал.

Только когда они оказались наверху, на голой сухой земле, сэр Ричард понял, почему их не преследовали звери.

Профессор застонал и повалился набок. Его босые ступни были словно изрезаны бритвой. Кровавый след тянулся за ним от самого ручья. Плоские листья Эвриалы Устрашающей были покрыты мощными изогнутыми шипами.

— Какой я неловкий, — сказал Профессор.
— Ничего, — сказал сэр Ричард, осматривая его подошвы, — тут застряла пара колючек, сейчас вынем... помогите, пожалуйста, мистер Томпкинс...
Колючек была не пара, и вообще дело было плохо.
— Что нужно сделать? — испуганно спросил мистер Томпкинс.
— Нарвите, пожалуйста, немного сухой травы, — сказал сэр Ричард. — Вот так.
Положите сюда. Теперь подожгите. Спасибо.
Мистер Томпкинс с ужасом смотрел, как сэр Ричард водит в прозрачном пламени широким лезвием своего ножа.
— Кто бы мог подумать, — сказал Профессор, — что мы, так сказать, лицом к лицу столкнемся с этой чисто теоретической проблемой — «Люди или животные?» Помните, была такая нашумевшая книга? Кто это — недостающее звено? тупиковая ветвь?

Читатели старшего поколения или традиционного воспитания, кому бабушки читали в детстве книги своего детства, «Затерянный мир» в первую, вторую и третью очередь, конечно, узнали недостающее звено несимпатичных приматов. И сам перестрелял бы всех поголовно, не задумавшись о Красной книге.

— Подождите минутку, господин Профессор, — сказал сэр Ричард, — я сейчас закончу, спущусь вниз и принесу вам тушу. И вы во всем разберетесь.
— В этом не просто разобраться, даже имея живой экземпляр, — сказал Профессор. — Кроме того, они могли унести своих убитых родичей, чтобы похоронить или съесть. Но ваше мнение, сэр Ричард, для меня, как вы знаете, очень весомо.
— Мое мнение?
— Ну да. Вы их воспринимаете как зверей.
— Я этого не говорил.
— Вы сказали — тушу, а не тело.
— Я сказал первое, что пришло на язык.
— Тем более, — сказал Профессор. — В книге, которую я упомянул, решающим аргументом в пользу принадлежности к роду человеческому было отношение к загадочным существам туземцев соседнего примитивного племени. Это племя хотя и ело объект дискуссии, но с соблюдением каннибальских ритуалов.
— Благодарю вас, господин Профессор, — сказал сэр Ричард, — за лестное мнение о моем уровне развития.
— Оставьте, сэр Ричард, — сказал Профессор. — Инстинкт штука стоящая, вы сами прекрасно знаете. Вы находились с этими существами в более тесном, так сказать, контакте, чем я и мистер Томпкинс. Скажите — когда вы стреляли, у вас не было какого-нибудь особого чувства? Что-нибудь вроде — ну, скажем, сожаления, что этого нельзя избежать?
— Когда на меня нападают, я стреляю, — сказал сэр Ричард. — Мне все равно, кто — стадо динозавров или взвод солдат.
— Вы несправедливы к себе... но хорошо, оставим. Все-таки я хочу выяснить... а вы могли бы употреблять их мясо в пищу?
— Тьфу, — сказал сэр Ричард. — Собак я тоже не ем.
Мистер Томпкинс не принимал участия в разговоре. Он стиснул зубы, но это не помогало. Он с трудом сдерживал слезы.
Наконец мучительная операция была закончена.
— Куда вы, сэр Ричард? — сказал Профессор.
— В овраг, — сказал сэр Ричард, — срежу пару деревьев для носилок.
— Ни в коем случае, — сказал Профессор. — Мы переночуем здесь, а завтра я смогу идти. Если вы считаете, что здесь опасно, я с вашей помощью переберусь на другое место.

Сэр Ричард пожал плечами и ничего не сказал. Скоро стемнело. Профессор заснул или притворился, что спит. Мистер Томпкинс и сэр Ричард сидели рядом с ним.
— Дался мне этот лук, — сказал мистер Томпкинс, — лучше бы я спас ботинки Профессора. Почему я его схватил, когда вы закричали «тревога»?
— Ботинки, — сказал сэр Ричард, — Профессор смог бы надеть через неделю, если бы эту неделю он пролежал не вставая. Лук и стрелы нам очень пригодятся. У меня остался один патрон.
Они замолчали надолго. Над ними медленно плыл небосвод. Стояла тишина, только внизу в чаще иногда печально кричали ночные птицы.
— Мистер Томпкинс, — тихо позвал сэр Ричард.
Мистер Томпкинс вздрогнул и очнулся.
— Видите ли, — сказал сэр Ричард, — весь день я не мог отделаться от мысли, что я упустил очень важный момент в этом происшествии. Самый странный и необъяснимый. И я не мог вспомнить, что же это было... А сейчас вспомнил. Почему вы, мистер Томпкинс, выскочили обратно из телефонной будки?
— Так у меня же двушки не было, — сказал мистер Томпкинс.

ЗАКАТ РАССЫЛАЕТ ВЕТЕР
ОСТРОВАМ ПРОЩАЛЬНЫХ ОГНЕЙ
И ВИДИТ ЗАКАТ СКОРЛУПКУ
И ЧЕРТЕНКА СИНЕГО В НЕЙ

*Плыви — сказал он — тони — сказал он
Мне тебя не жалко ничуть
Тут тебе и конец — сказал он
И Скорлупка пустилась в путь*

ПОЛНОЧЬ СКЛИКАЕТ ВЕТЕР
ГНЕВОМ И СТРАХОМ ПОЛНА
И ВИДИТ ПОЛНОЧЬ СКОРЛУПКУ
СВОЙ МРАК ПРОНИЦАЯ ДО ДНА

*Прочь — сказала — убью — сказала
Но ответил Чертенюк — нет
Смотри, Корабли плывут — сказал он
И Скорлупка пустилась вслед*

РАССВЕТ ПОДНИМАЕТ ВЕТЕР
И СКАЛЫ ПРИБОЕМ ДРОБИТ
И ВИДИТ РАССВЕТ СКОРЛУПКУ
ГДЕ СИНИЙ ЧЕРТЕНЮК СИДИТ

*Ты тонул — сказал он — ты плыл — сказал он
И ответил Чертенюк тот:
Я-то плыл, но сдается — сказал он
Что кто-то ко дну идет.*

Разноцветные пятна плыли перед глазами мистера Томпкина.

Они исчезали, багровый мрак растворялся, и он снова мог видеть то, что было на самом деле. То есть он этого видеть не мог, слишком слепило солнце. Он видел как бы размытую темную паутину, натянутую горизонтально в светлой пустоте. Это была сеть из трещин в остекленевшей от зноя почве, по которой они шли.

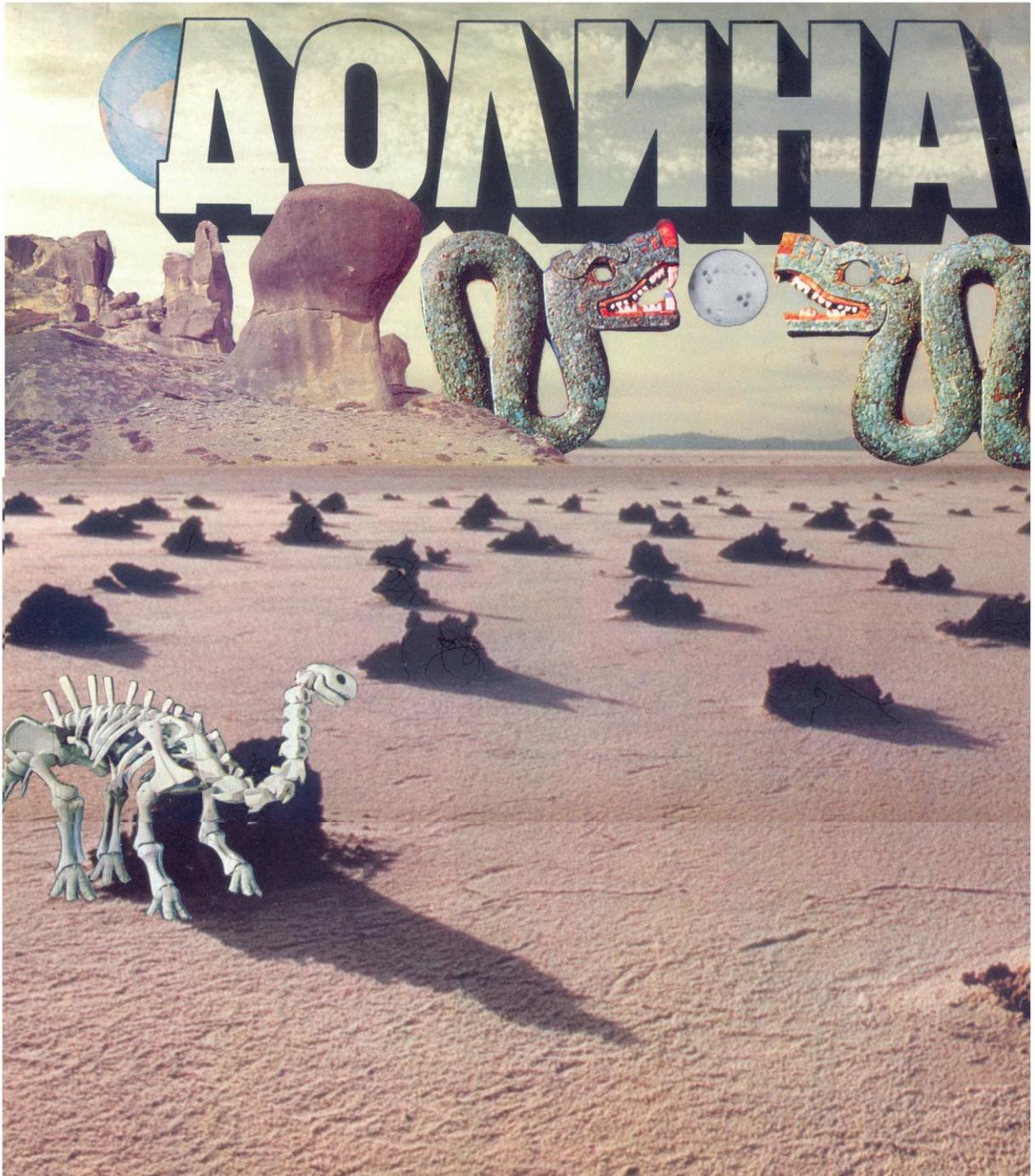
Последний раз они пили воду очень давно. Когда они на рассвете ушли от оврага, то шли часа три через безотрадную сухую степь, но там была все-таки трава; и они нашли родник. Они напились, и мистер Томпкинс думал, что они сразу пойдут дальше, пока не очень жарко. Но сэр Ричард устроил привал, и они отдохали и перевязали ноги Профессору. Еще утром они отрезали рукава от белой куртки сэра Ричарда — она была из очень хорошей, очень плотной ткани — и сделали из них обмотки, но теперь их пришлось сменить, и на это разрезали остальную куртку. Они еще отдохали и снова напились, и сэр Ричард велел мистеру Томпкину намочить водой волосы и одежду. И они сняли с Профессора куртку, намочили и снова надели на него. Тогда уже было жарко. Воды с собой взять было не в чем. Они встали и пошли. Профессору было очень плохо. Ему было так больно ступать по земле, что он и не пытался больше это скрывать. Он с трудом ковылял, опираясь на плечи друзей, и тяжело, со стоном втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Несколько раз они садились на землю отдохнуть. Потом это стало невозможно. Земля была как раскаленная плита. Идти по такой земле было нельзя; но приходилось. Тогда и стали появляться эти цветные пятна.

Сначала поле зрения стремительно уменьшалось, как будто он падал в чугунную трубу, и круг света перед глазами становился все меньше и ярче, сжимался в точку, точка разбрызгивалась ослепительной кляксой. Внутри раскаленной чугунной сферы ползали радужные амебы, сплывались и дробились, чугун плавился, тяжелые вязкие струи обволакивали голову. Мистер Томпкинс боялся, что в этом мраке он отстанет или уйдет в сторону от Профессора и сэра Ричарда, но, когда мог видеть снова, снова видел их рядом, в двух шагах слева и чуть впереди. Может быть, они стояли, ожидая, пока он очнется? Но сам он не останавливался — или это ему казалось? И еще казалось, что они не двигаются с места. Пустыня была ровная, как набитая глиной сковородка, очень круглый близкий горизонт оставался неизменным, а солнце стояло прямо над головой. Вот это было странно. Казалось, от источника они шли очень долго. Когда они от него отходили, солнце стояло уже высоко. Оно быстро поднялось на самую верхушку неба и там осталось. И это было давно. Сначала они просто шли и вели Профессора, и тогда еще не было жажды. Потом стало очень жарко, и началась жажда. Потом они извели на перевязки для Профессора полосатую фуфайку мистера Томпкина. И это тоже было очень давно. Потом начало темнеть в глазах. Вот опять...

На этот раз мистер Томпкинс еле устоял на ногах. Рдеющий мрак в огненных вспышках не отпускал его. По ту сторону темно-огненной завесы тяжело гудели и били колокола. Во рту был вкус крови.

Все-таки отошло. Он судорожно вздохнул, и легкие наполнились обжигающим, как спирт, воздухом. Он снова покачнулся.

Колокольный звон уплыл за горизонт, но звучал явственно. И тут он не увидел рядом друзей. Сердце в нем оборвалось. Он обернулся так резко, что чуть не упал. Конечно, они были здесь, на шаг позади. Если бы не колокола, он услышал бы стон и хриплое дыхание Профессора. Профессор стоял на коленях, и сэр Ричард поднимал его. Лицо Профессора ужаснуло мистера Томпкина. Профессор, кажется, был без сознания, но и там, в забытьи, не было ему отдыха от мук. Сэр Ричард закинул руку Профессора себе на шею, левой рукой обхватил его подмышки, поднял и поставил на ноги. Профессор тяжело висел, уронив голову на грудь. Но вот он снова выпрямился. Тогда мистер Томпкинс тоже очнулся. И они снова пошли.

И снова они шли долго, и солнце стояло прямо над головой. Сэр Ричард вел Профессора, тащил его, обнимая левой рукой; на правом плече у него висел винчестер. Мистер Томпкинс тоже не расстался со своим оружием — луком и стрелами. Он сам этому удивлялся, но почему-то не мог взять и бросить эту игрушку. Солнце наверху, в центре неба, пульсировало, набухало и сжималось, и в такт ему бился в голове огненный сгусток. Лучи солнца, тяжелые как медь, упирались в голову и плечи. Солнце росло все больше, росло с каждым биением, выпускало жгучие щупальца, они жадно тянулись достать горизонт. Горизонт выгибался им навстречу. Какой-то миг казалось, что воля укротит беснующийся в мозгу комок света, и тогда зловещее светило не посмеет отнять у людей последнее пространство и последний воздух. Но огненный шар, сжатый уже до размеров капли, взорвался, вспышка света ударила по глазам изнутри, ослепила, и в тот же миг горизонт резко рванулся вверх, навстречу солнечной лаве, она излилась на него, сплывила небо и землю и застыла. Пустыня изогнулась чашей, трое путников должны были теперь подниматься вверх, все вверх внутри этой чаши, накрытой огромным пульсирующим солнцем.

Мистер Томпкинс очнулся.

Он увидел впереди сухую твердую черту, разделявшую белый от зноя воздух и оранжевую каменную землю. Он увидел слева черную вертикальную полосу — ствол винчестера. И увидел, как сэр Ричард ведет Профессора.

Оказывается, одно дело — шагать и шагать, как заведенный слоник, нога за ногу, раз все равно упасть нельзя, даже если в голове сгусток солнца и он стучит в виски. И совсем другое — когда нужно чуть свернуть и чуть поспешить, чтобы преодолеть эти два шага — влево и вперед — до ствола винчестера. Это потребовало невероятных усилий. Изменив направление, мистер Томпкинс покачнулся, сбился с ноги и вынужден был остановиться. Это его чуть не погубило. Ноги мгновенно вросли в землю. В то же время он знал, что стоять нельзя — упадешь. Но сдвинуться с места не мог. С ужасом он смотрел, как черный ствол, прочерченный вдоль слепящей солнечной полосой, раскачиваясь, рывками удалялся от него. Усилием, превосходящим все, что он знал о себе, он оторвал себя от земли и толкнул вперед, вдогонку. Он очень спешил, он жадно хватал ртом пустой горячий воздух, но пока он торопливо переступал два шага, сэр Ричард успевал протащить Профессора на шаг вперед, и роковой заветный ствол снова становился недостижимым. Вот при таких-то обстоятельствах, подумал мистер Томпкинс, несчастный Ахиллес и не смог догнать черепаху. И до сих пор все смеются.

Ему вдруг стало смешно, он всхлипнул, споткнулся, быстро шагнул вперед, чтобы не упасть, и увидел ствол винчестера не перед собой, а над своим плечом. Скорее он попытался сказать то, ради чего пустился в это рискованное предприятие:

— Я вам помогу, сэр Ричард... Я поддержу Профессора с другой стороны...

Но говорить оказалось труднее, чем идти. Голоса не было совсем. Сэр Ричард обернулся, посмотрел на мистера Томпкинса печально и внимательно и ответил чужим хриплым голосом:

— Идите, мистер Томпкинс. Идите, пока можете.

Немного погодя, когда восстановилось сбитое дыхание, ритм и даже дистанция — он шел опять справа и чуть сзади — мистер Томпкинс обнаружил внезапно странное явление. Ему приходилось теперь все ниже опускать голову, чтобы солнце не слепило глаза. Значит, оно не врезано намертво в зенит, значит, все-таки будет когда-нибудь ночь! Но эту ночь, страшные часы душного мрака, предстояло еще дождаться...

Драгоценно человеческое тело. Приобрести его нелегко. Оно дается для того, чтобы мы жили на своей планете с другими тварями и старались понять, зачем мы живем. Когда пойдем, говорят, мы станем свободны. Но что можно понять, когда все это тело так болит? Когда его изнутри пожирает жажда? Что сожжены плечи — это пусть. Болят, и ладно. Все равно солнце ушло вперед и смотрит теперь прямо в лицо. И лучи стелются горизонтально. Так что приходится плыть против потока расплавленного золота.

И, что хуже всего, это же золото при каждом вдохе глотать. Говорят, индейцы вливали расплавленное золото в глотку пленным конкистадорам. Дескать, теперь твоя душенька довольна? Враки это все, сочинение идеалистов. Не бывает на земле справедливости. Если кому-нибудь и влили золото в глотку, то, конечно, не тому, кому надо. Интересно другое: почему оно так выносливо, человеческое тело? Любое минеральное образование в этом свирепом потоке излучения давно возогналось бы, минуя стадию расплава. А оно ничего. Шагает. И даже продолжает расширять и сокращать легкие, как будто кипящее золото пригодно для дыхания. И больно, больно...

Солнце висело теперь над самым горизонтом. Оно было почему-то черное, как жерло вулкана, из него выплывали какие-то лохматые дымящиеся хлопья. Но это было неважно. Была жажда. Остальное перестало существовать — и солнце, и даже боль.

Солнце коснулось горизонта и медленно пошло вверх.

Конец, — подумал мистер Томпкинс. Сэр Ричард остановился. Мистер Томпкинс поравнялся с друзьями. Втроем они стояли и смотрели на солнце. Оно поднималось.

Вот три, которые властны:
Земля, небо, время,
Вечный камень, пустая твердь, песок бегущий.
О СОЛНЦЕ, гневное пламя!

Черный свинец, красная ртуть, белая соль
Небо, время, земля.
И жажда, жажда...
О СОЛНЦЕ, ты сжигаешь меня!

Вечным полднем прикованы
Время, земля, небо.
Растворить себя в нескончаемом зное.
СОЛНЦЕ! СОЛНЦЕ! *Мы твои дети!*

Как будто ландшафт изменился. Мистер Томпкинс видел на горизонте зубчатые пики, но не был уверен в их существовании. Они как-то зыбились, меняли цвет. Потом вдруг прямо перед ним возник другой пик, поменьше, и он ушиб о него ногу. Вся почва вокруг была в выбоинах и острых, как кости, камнях.

Да что же это такое, ведь этого не может быть — думал мистер Томпкинс. Не могло это все так прямо со мной произойти. Это было раньше или будет потом. Я об этом где-то читал. Вот пройду несколько шагов и вспомню — то ли это было, то ли еще будет... Да, конечно будет — вспомнил. И острые скалы, и жажда, и мы трое. Но мы будем тогда на планете другой... А кто сказал, что вот эта планета — та самая? Это мы ее называем — Земля. А кто ее знает, какая она на самом деле?

чужая планета
чужое солнце
и своя гортань

голая голая голая
высокое высокое высокое
сухая сухая сухая

тянется дорога
лежит пустыня
и кружится голова

долгая долгая долгая
сухая сухая сухая
тяжелая тяжелая тяжелая

чужая земля
чужой полдень
и мое сердце

сухая сухая сухая
всегда всегда всегда
ток ток ток

— Нет никакого смысла, — сказал вдруг Профессор ясным голосом.

Все опять изменилось. Теперь было очевидно, что долина, в центре которой они находятся, окружена горами. Были четко различимы их скалистые подножия, обесцвеченные, растресканные. Дальше горы поднимались отвесными стенами, но где кончались их вершины — невозможно было увидеть. Они сливались с таким же бесцветным, жестким и жарким небом, в центре которого солнце занималось своим жутким делом.

— Нет в нем никакого смысла, — сказал Профессор. — Так уж должно было получиться на этом втором пути; а теперь не переиграешь. Может и были где-нибудь в самом начале такие оригинальные создания, у которых процесс деструкции вызывал положительные эмоции, да ведь они, ясное дело, и отпечатков не оставили...

Сэр Ричард оглянулся через плечо, и мистер Томпкинс через силу подтянулся к нему. Профессор говорил не переставая, и голос у него был как прежде, с привычными резкими интонациями.

Он даже шел теперь энергичнее, легче, сэр Ричард не тащил его, а только поддерживал и направлял, потому что Профессор ничего совершенно перед собой не видел.

— Это бред, — сказал сэр Ричард. — Мы ничего не можем сделать, мистер Томпкинс. Нужно идти дальше.

— А далеко еще? — неожиданно для себя спросил мистер Томпкинс.

Он выдохнул эти слова свистящим шепотом и сам не расслышал. Язык не слушался, дыханье срывалось.

— Литр воды на всех, и дошли бы, — ответил сэр Ричард.

Томпкинс посмотрел вперед, посмотрел по сторонам, потом снова прямо перед собой. Кругом была эта каменная стена. Она достигала по меньшей мере той высоты, на которую мог подняться взгляд — выше было сплошное солнце.

— и пошло, и поехало, — говорил Профессор. — Вот какую штуку ты с нами учудил, вот какой двигатель прогресса — нервную систему... Чтобы, значит, каждый чувствовал, как его жрут, а не просто отдавал концы. А мы еще слово какое вежливое придумали: «инстинкт самосохранения». А это просто — страх боли... только об этом боятся говорить. Ну, от зверюшек ты добился, чего хотел. Если, конечно, ты и вправду этого хотел — разнообразия; а тут и люди завелись, и уже с этой механикой... Да еще говорят, что страдание очищает, страдание облагораживает... кой черт — просто деваться некуда. Это все наследство еще от того ланцетника, а и он тоже получил готовенькое. Вроде кольца у быка в носу — чтобы шел, куда ведут, не упирался... Вот и весь смысл. Очень большой смысл, если подумать! Чего еще надо? Это ведь только говорится — кнут и пряник, а все понимают, что пряник так, для разговора, тут все дело — кнут... Вот с кнутом вся мистика и вышла...

Профессор захрипел, застонал и смолк. Внимание мистера Томпкинса на миг было отвлечено странным явлением: в стороне, довольно далеко, он заметил группу людей, одетых фантастически. Они не то сражались, не то танцевали. Это было красиво, страшно и непостижимо. Мистер Томпкинс схватил сэра Ричарда за локоть. Сэр Ричард посмотрел туда, куда смотрел мистер Томпкинс, и молча покачал головой. Мистер Томпкинс уже и сам понял, что это ему кажется. Тем более, что он увидел еще такую же компанию.

— Пора кончать это, — сказал Профессор. Он говорил теперь совсем иначе, задыхаясь, почти шепотом. И вдруг резко вскрикнул. — Ну не можем мы, не вышло это, не справились — а ты-то куда смотришь? Или, может, тебе нравится — смотреть? Что ж ты до сих пор ни одного палача не схватил за руку? Да знаю я, знаю, что это наше дело... Ну ладно, ну мы трусы, мы не видели, не посмели... Ты-то, ты все видишь, все можешь — где же ты? Кончай все это, слышишь? Кнут-то теперь у кого? У тебя? Как бы не так, у нас он, у нас... мы сами себя по кругу гоняем... а смысла в этом...

Сэр Ричард слушал этот бред и молча скрипел зубами.

Мистер Томпкинс глядел по сторонам. Он слышал слова Профессора, но не вслушивался. Он забыл о своих мучениях, не чувствовал ни жажды, ни жары. Наоборот, его иногда знобило. Он смотрел и пытался разобраться. Танцующие фигуры и доисторические чудовища были, конечно, не настоящие. А вот эти лужицы голубого спиртового пламени, растекающиеся вокруг по опаленной почве? Кстати, почва превратилась теперь в каменный монолит в трещинах и выбоинах, тупо гудевший под ногами. Поверхность этого каменного стола была усеяна каменными обломками, а подальше громоздились не то скалы, не то башни — и вот в них мистер Томпкинс не был уверен. Не то чтобы они двигались или пытались исчезнуть; но была в них какая-то неприятная прозрачность, словно они были из желатина. Впрочем, вглядываясь подольше, он переставал понимать, где нашел эту прозрачность. Башни как башни. Каменные, древние.

Пока он разглядывал башни, солнце снова начало опускаться.

Солнце опускалось быстро, но все равно в это уже никто верил. Так и вышло. Оно остановилось градусах в тридцати над горизонтом, постояло, передвинулось вправо, пошло наверх, но в зенит не поднялось, а встало где-то на полпути.

Странно, что от всех этих перемещений совершенно не менялись тени в каменных сооружениях, которые изучал мистер Томпкинс. Тени там вообще были странные, как-то не связанные с формой и величиной выступов и впадин; из-за этого еще трудно было понять что-нибудь.

Вдруг он осознал, что его внимание уже давно приковано к одной детали ландшафта, и неудивительно — она находилась прямо перед ним. Это была арка, возвышавшаяся посреди рассыпанных камней. Это было похоже на ворота. К этим воротам они теперь направлялись и неминуемо должны были пройти под ними. Слева от ворот стояла скала и справа скала. Они казались бастионами мощной каменной стены, которая давно уже облегла горизонт, возвысилась в небо и теперь явилась совсем близко. Только в проеме ворот было пусто. Может быть, это был проход по ту сторону гор? И там — не пустыня?

Они шли теперь гораздо быстрее. Ворота притягивали к себе, как магнит. Кажется, Профессор очнулся. Один раз им пришлось свернуть, чтобы обойти обширную впадину с отвесными стенками, похожую на кратер. После кратера последним, видимо, препятствием была груда песка, насыпанная почти в самых воротах. Можно было взобраться на нее, можно обойти кругом. Они остановились перевести дыхание. Тогда они услышали шорох и скрип песка. Кто-то поднимался на песчаную кучу с другой стороны. Он поднялся и остановился наверху. Это был очень красивый небольшого роста человек в белом цилиндре и во фраке с белоснежной грудью. В левой руке он держал бокал светлого вина, в правой — маленький револьвер с перламутровой рукояткой.

— Ну вот мы и встретились, господа, — сказал красавец. — Не шевелитесь, сэра Ричард: оставьте ваш винчестер в покое. Иначе я выстрелю в вашего друга...

И с этими словами он направил дуло револьвера прямо в мистера Томпкинса.

— Мне искренне жаль вас, господа, — продолжал этот человек, улыбаясь и показывая жемчужные зубы, — зачем, ах зачем вы были так ловки, так осторожны, так удачливы? К чему этот дискомфорт, это безобразное пекло, дикая смерть от жажды? Какой чудный яд был приготовлен вам в Паулине! Вспомните, вспомните: хрусталь, свечи, улыбки друзей, тропическая ночь, плеск моря... Впрочем, я вижу, вы не узнаете меня. Жара, безусловно, плохо влияет на память, и я не в претензии. Мы с вами встречались, хотя и мельком — с вами, господин Профессор, и с вами, сэра Ричард. С вами, мистер Томпкинс, я не имел счастья видеться раньше, но много слышал о вас — только наилучшее, разумеется. Уверен, что и вы слышали обо мне. Я — Василий Виардо, последний из Чингизидов. Мистер Томпкинс ничего не понял. Мелькнувший в памяти образ маленькой грациозной женщины ничего ему не объяснил. Но, кажется, Профессор вздрогнул и что-то произнес; а может это произнес сэра Ричард. Во всяком случае, Василий Виардо был удовлетворен.

— В конце концов, — сказал он, снова улыбаясь, — все сложилось к лучшему — не для вас, а для меня. Я очень рад видеть вас еще живыми. Думаю, я заслужил это маленькое удовольствие — объяснить, почему я решил устранить вас. Долгие годы я совершенствовал свой план, собирал сведения, искал и готовил исполнителей — и все это втайне. Как говорится, одна, но пламенная страсть... Вы мне недешево обошлись — особенно вы, сэра Ричард: чего стоил один покойник Сасахара. Но, господа, мое состояние позволяло мне это... О, я истратил бы с легким сердцем три таких же состояния, только бы достигнуть цели. Ведь какая цель! Такой еще ни у кого не было! Уверю вас, не только никогда я не питал к вам ненависти, но напротив, всегда восхищался вами. Чем больше я о вас узнавал, тем больше росло мое уважение к вам; а я многое о вас узнал... Но еще быстрее рос мой страх — что, если я не успею остановить вас? О, как я спешил! Я и теперь боюсь, что опоздал... Вы погибли, господа. Вы успешно миновали расставленные на вашем пути капканы, но лишь затем, чтобы попасть в последнюю и окончательную западню. Отсюда нет выхода. Впрочем, поищите его, когда я уйду, я не возражаю.

Итак, вы обречены; вы живы только в собственных ощущениях, для всего мира вы уже умерли, не так ли? Но что, если в этот самый день, в этот самый час последствия прежде совершенных вами поступков где-то необратимо разрушают некое хрупкое равновесие в чем-то неизвестном нам, но крайне существенном для всего Здания Мира? Ну что ж! Я сделал все, что мог! Ах, господа! Что вы себе позволяли! На что посягнули! Страшно сказать — на Второе Начало! Уж вы, господин Профессор, должны бы знать, что нет в природе явлений, не связанных между собой, хотя некоторые и кажутся невеждам весьма далекими... И еще вы должны знать, что ни одна личность злонамеренная и корыстная, сколь бы она ни была могущественна, не поколеблет устоев мирового порядка; с приобретающего будет взыскано сполна, на то есть у природы своя метода и свои приемы. Но вы... вы! Что за чудовищная идея только дарить, ничего не принимая взамен!

Во-первых, это оскорбительное высокомерие: словно и не в силах создать ни природа, ни род человеческий ничего, что вы пожелали бы назвать своим! Но это ничего; это бы еще можно стерпеть. Но сами ваши дары, эти блага неоплаченные и неоприходованные, это знание, никем не понятое и потому никем не замеченное — не будет ли это бремя неудобноносимое на перегруженном корабле вселенной? Не оно ли создаст роковой дифферент и сделает корабль неуправляемым среди льдов и шквалов Великого Ничто? Господа, когда я услышал о Красном Смещении, я понял: промедление смерти подобно. Я не настолько тщеславен, чтобы надеяться переубедить вас или принудить изменить ваш образ жизни. Я мог только уничтожить вас — и я это сделал. Пожалуй, я немного горжусь тем, что мне это удалось; да, горжусь. Надеюсь, эта гордость простительна. Итак, я прощаюсь с вами. Одно последнее замечание: я ничего не имею лично против вас, сэр Ричард, но мне не хотелось бы, вы понимаете, получить пулю в спину... И он повел дуло пистолета в сторону сэра Ричарда.

Напрасно он это сказал. Не стал бы сэр Ричард стрелять ему в спину — зачем? А теперь... Сэр Ричард уронил ружье с плеча и поймал на лету. Затвор привычно лег в хозяйскую ладонь. Гром винчестера покрыл слабый пистолетный хлопок. Оба выстрела попали в цель. Сэр Ричард был убит. Он упал навзничь; Профессор успел подхватить его и осторожно опустил на землю, но все было кончено. Мистер Томпкинс видел и понял это, но не тронулся с места. Как прикованный, он смотрел на Василия Виардо. Последний из Чингизидов уронил бокал и пистолет и схватился за сердце. Из-под его пальцев по белоснежной крахмальной груди медленно поползло яркое кровавое пятно. — Успел... все-таки, — сказал он как бы с завистью в голосе. — Я знал, что успеет... я этого... может быть... хотел.

Да, хотел... именно этого...

Он упал. Тело его исчезло. Над грудой песка торчали только изящные подошвы бальных туфель.

Мистер Томпкинс медленно обвел взглядом опустевшее пространство, и всюду его взгляд беспомощно скользил по каменной стене — она везде была близко. Небо почти затвердело, воздух и свет поредели, солнце сжалось в комок. Рядом на твердой, как кость, земле сидел Профессор, держа на коленях мертвую голову сэра Ричарда. Тут же лежало ненужное теперь, безобидное ружье. А еще оставался лук со стрелами, а еще — подметки, торчащие над пригорком. А в небе прямо над головой висел каменный журавль. Медленно-медленно журавль поднимал огромные крылья. Взгляд мистера Томпкинса застал его уже на вершине этого движения. Два огромные веера распростились под низким каменным небом. Вот они надломились посередине и медленно пошли вниз. Бесконечно красиво, плавно и торжественно опускались крылья. Черные маховые перья отгибались вверх, как бы отставая от движения. И было в этом что-то невообразимо ужасное. Крылья опускались и складывались, они уже не были похожи на раскрытые веера, они свешивались, как рукава, обшитые бахромой. Еще миг — и маховые перья сверкнули стальными ножами. В следующее мгновение концы перьев коснулись друг друга, словно пальцы протянутых рук. Сердце мистера Томпкинса сжалось и остановилось.

Что-то слабо тренькнуло — в небе или в ушах — и тут же прошло. Но все окружающее окончательно окаменело. Небо сомкнулось над головой. Свет исчез. Так, просто было видно. Там, где раньше было солнце, выступало его округлое каменное подобие. Журавль снова поднимал крылья.

Мистер Томпкинс посмотрел на Профессора, и Профессор посмотрел на него. Мистер Томпкинс понял, что говорить ничего не надо.

Они простились молча. Потом отвернулись друг от друга и стали смотреть, как журавль разворачивает и возносит чудовищные опахала.

Он никуда не летел, этот журавль. Крылья выполняли какую-то другую работу. Мистер Томпкинс ждал, считая удары крови в висках. В вакууме, который наполнял съезжившуюся окаменевшую вселенную, эти удары отдавались особенно гулко. Он сосчитал до сорока трех, пока крылья поднялись вверх и остановились. Но он знал, что это гораздо меньше, чем сорок три секунды. Ведь сердце быстрее времени. Он продолжал считать, когда крылья начали опускаться, но не смог. Удары крови вдруг участились и слились в сплошной гул. Странно, ведь он был совершенно спокоен. Но этот все усиливающийся гул оглушил его.

Пытаясь совладать с собой, он пропустил момент, когда крылья опустились совсем, и концы перьев сомкнулись внизу. Но сквозь гудение крови к нему проник слабый звук, словно заглушенный крик. Мгновенно настала полная тишина. Мистер Томпкинс быстро оглянулся на Профессора, и ему показалось, что он видел, как это произошло. Как живой человек превратился в камень.

Но, конечно, он не видел превращения. Он только видел, как из каменного глаза изваяния вытекла маленькая слеза и скатилась по каменной щеке. Он был один. Журавль заносил крылья для нового взмаха.

Тогда он понял, что он может успеть, если захочет, совершить еще какой-нибудь поступок, и если он решил что-то сделать, то самое время начинать. Особенного выбора у него не было.

Собственно, у него не было никакого выбора — у него был лук и стрелы. Оружие, которое он, мучаясь, донес до последнего предела, навязывало ему последний короткий поступок. Он снял лук, висевший у него на правом плече, и взял его в левую руку. Место, на котором он стоял, показалось ему неудобным, и он отошел в сторону. Потоптался на месте и отошел еще на три шага. Вынул, не глядя, стрелу из футляра и тут же опустил обратно. Всякая мелочь оказалась вдруг страшно существенной. Поэтому он высыпал стрелы прямо на землю, опустился на колено и внимательно их рассмотрел. Они все были одинаковые, кроме одной. У всех стрел оперение было белое, а у этой — из серых полосатых перьев. Взяв эту стрелу, мистер Томпкинс увидел, что и лезвие у нее не такое, как у всех — гораздо светлее. Он сразу понял, что наконечник серебряный, что это страшно важно, и что именно это он искал. Он выпрямился, встал, наложил стрелу и повел ее вместе с тетивой, пока еще не целясь. Он даже не смотрел сейчас на журавля.

Неизвестно, откуда была в нем эта серьезность. Он отчетливо понимал, что в его действиях нет никакого смысла. Мечь? Вот уж нет! Он даже и не надеялся поранить стрелой несуществующую птицу. Просто он сейчас чего-то слушался. Он продолжал натягивать тетиву, направляя теперь острие стрелы в горло журавля, уже поднявшего крылья до наивысшей точки. Тетива была не такая тугая, как он привык. Он старательно целился, оттянув тетиву до уха.

Страшное гнетущее чувство охватывало его. Это не была тоска от того, что вот уже конец. Это было сознание непоправимой ошибки. Какая могла быть ошибка, в чем? Он не знал. Он старался понять, что же он должен сделать — или чего *не* сделать, чтобы избежать роковой ошибки. Журавль опускал крылья. Нужно было решаться, решаться на что-то — стрелять или не стрелять. Неужели он все это затеял только для того, чтобы превратиться в статую лучника? Надо решаться, еще секунда, и он уже ничего не сможет — даже сделать ошибку, которая все погубит. ЧТО — ВСЕ? Надо стрелять, ведь он же собирался выстрелить. Но он не мог. Стоял и смотрел, как опускаются крылья. Они уже совсем опустились. Тогда вдруг, вспомнив что-то и не успев понять, что же он вспомнил, он резко повернулся к журавлю спиной и выстрелил в противоположную сторону. Стрела слетела с тетивы и исчезла. Сердце его стукнуло, отмечая тот миг, когда, он знал, журавль за его спиной сомкнул крылья. Живое горячее сердце. Ничего не произошло. Он был жив. Он обернулся.

Журавля не было. В каменном небе змеилась тонкая вертикальная трещина. Она темнела, она зримо расширялась. Края каменного свода разошлись, и в трещину хлынуло море. Безумное, родное, дивное! Веселие сердца! Весна без конца и без края! Священный первенец творенья! Свободная стихия! Неугомонный старый бандит! Вместителище неслыханных энергий, многих тайн последний и окончательный владетель! Всеобъемлющее! Неутолимое! Небесных сфер своенравное зеркало!

Оно хлынуло, сокрушая каменную стену, неся на гребне корабли и цветущие острова. С ликующим ревом оно громоздило волну на волну, оно гоняло шквалы, оно дышало теплом Гольфстрима, подобным теплу детской постели, и холодом тающих айсбергов. В нетерпеливой щедрости оно смешало и спутало дары, которые в грохоте и брызгах повергало к ногам обездоленного человека, потерявшего друзей — вокруг него, вспыхивая и мерцая, сменялись грозовые ночи и безмолвные рассветы, огромные голубые луны истомных тропических штилей, ледяной хохот и свист высоких широт, гряды зеленых волн, в которых киты боролись с кальмарами, порывы бриза, несущего запах лимона, лепестки цветов и перья попугаев — и сквозь все эти пестрые маски глядело неподвижное темное око непомерных глубин.

Обе половины каменного небосвода, расколотые трещиной, продолжали расходиться. Огромные камни, целые скалы рушились вниз, в кипящий прибой. Грохотали лавины. Из разломленных каменных глыб выбивались источники, вокруг них, шумя, вырастали пальмовые рощи, звери скользили в тени деревьев, поодаль возвышались человеческие дома и кумирни. Два могучих материка, разлучаясь, расплывались в стороны — великая древняя Африка и чудной двойной материк Америка, с которого почему-то сбежали все копытные. Континенты расходились, чтобы никогда больше не встретиться; но на берегу одного был еще слышен аромат цветущих садов другого. А между ними всплывали обломки Атлантиды.

А мистер Томпкинс, один, стоял, потрясенный, среди этого ликующего безобразия и не понимал, за какие свои черные дела он заслужил такую беду, что видит это счастье один.

Тот кусочек пустыни, где он стоял, где сидел окаменевший Профессор и лежал сэръ Ричард, остался островом. Вокруг играло море. Кучу песка и тело Василия Виардо оно унесло сразу. Волны, вздымаясь, не задевали мистера Томпкинса, но всего его осыпали мелкой водяной пылью. Он дышал прохладой моря, он чувствовал соль на губах. Прекрасное зрелище мира ослепляло его, кружило голову. Он закрыл глаза. Он погрузился в отрадный мрак. Он слышал громкую музыку моря. Сердце его сжалось в счастливом и тревожном предчувствии. Он открыл глаза.

Рядом была она и выжимала пену из волос. Она вся изогнулась, чтобы отбросить назад мокрые кудри, и они сияли, как небо в звездах. Ее зелено-золотая чешуя сверкала, как увлажненный росой плодовый сад, ярко-белые плечи светились, как меловые холмы перед грозой. Она искоса взглянула на мистера Томпкинса огромным черным глазом, потом, отряхивая воду, несколько раз взмахнула крыльями, так что порыв ветра чуть не сбил его с ног. Она подняла над собой тучу брызг и яркую маленькую радугу. А море вокруг журчало, как ручеек на лугу, ворковало, как голубь.

— Ну, здравствуй, — сказала она наконец, опускаясь, чтобы смотреть ему прямо в лицо, и обжигая его взглядом, белизной и румянцем. Но тут же притворно вспыхнула, смиренно опустила глаза и протянула ему руку лодочкой. На ее щеках цвета граната появились две дивные ямочки. Мистер Томпкинс протянул руку, совершенно уверенный, что это равноценно прикосновению к молнии. Но ничего не произошло. Она церемонно пожала его руку; ему показалось, что он погрузил руку в струю прохладного пламени. Она снова распахнула глаза, словно вокруг настала ночь. Она сверкнула радостной улыбкой и тут же погасила ее.

— Не ждал? — шепнула она тоном сообщницы.

— Ждал, — ответил мистер Томпкинс и сам удивился — откуда взялся голос.

Она отскочила в сторону, сделала пируэт на хвосте и снова обернулась к нему — снова глаза опущены и даже рот прикрыт ладошкой, как тогда. Только конец хвоста извивался в воде, взбивая бурун.

— Ну вот и довелось, вот и свиделись, — сказала она медовым голосом, протяжно.

И вдруг расправила крылья во всю ширину. Мистер Томпкинс покачнулся.

Пора бы ему, конечно, привыкнуть, но он тогда во мраке не мог их разглядеть; а теперь целое небо красот нависло над ним.

Темные, пышные, бархатистые, испещренные узорами из текучих лент и спиралей, они мерцали тысячами светлых глазков. Агат и малахит, павлиний хвост и спинка змеи, синее и коричневое, багряное и фиолетовое, изумрудное, бирюзовое, оранжевое — колыхались в высоте, словно знамена неслыханного похода.

Он смотрел, запрокинув голову. Она сделала вид, что не видит его взгляда и что наоборот ей очень важно разглядеть что-то где-то вдали. Она поднималась вверх, вытягивая шею, отвернувшись. Но поскольку там, видимо, ничего особенного не было, она махнула рукой и плавно поплыла вокруг мистера Томпкина, по-прежнему его не замечая. Первый и второй круг она скользила медленно, потом ускорила движение и вдруг понеслась как вихрь, не касаясь земли, извиваясь, взлетая и опускаясь. Мистер Томпкинс оказался в центре циклона. Вокруг свистели перья, мощный блестящий хвост хлестал по воздуху. Вдруг она бросилась ничком на землю, распластав крылья. Клубящаяся дымная туча волос упала ей на спину и закрыла ее всю. Она лежала, припав к земле, словно гигантская бабочка; но недолго. Она выпрямилась, упираясь в землю ладонями, и снизу посмотрела в лицо мистера Томпкина. Он похолодел. Ее глаза были как две бездны ужаса и мрака, и он падал в них — в обе сразу.

— А знаешь, — сказала она тихо, и он увидел, что у нее губы дрожат от страха, — знаешь, что было бы, если... если бы ты... не ту стрелу... или...

— Что? — прошептал он, чувствуя, что волосы становятся дыбом.

— Не скажу, — сказала она. И снова смеялась, цвела, веселилась. Глаза ее сыпали искры.

— А я знаю, не скажу, — напевала она, покачиваясь, изгибая руки. — А я знаю, не скажу...

Он отвел взгляд и посмотрел мимо нее туда, где были его погибшие друзья.

Она сейчас же перестала танцевать.

— Ну вот, — сказала она, — а то без тебя не догадалась бы... не маленькая... ну смотри...

Она поправила волосы и встала рядом с ним — ясная, прямая, уверенная. И бесстрашно и прямо посмотрела на каменное изваяние.

— Здравствуй, умник, — сказала она звонко, — рада тебя видеть.

И Профессор ожил. Мистер Томпкинс не выдержал наконец, у него подкосились ноги, он сел на землю. Она тут же, свернув хвост кольцом, опустилась рядом, будто они так просто присели отдохнуть.

— И ты... з д р а в с т в у й, — медленно и как бы с усилием сказала она. Глаза ее расширились, она неподвижно смотрела в лицо сэра Ричарда. И вот — его веки дрогнули, он судорожно вздохнул. Мистер Томпкинс ладонью зажал рот, чтобы не закричать. Сэр Ричард повернулся на бок и вдруг резким движением вскочил на ноги. Профессор продолжал в растерянности сидеть на земле.

Что они должны были думать, видя мистера Томпкина сидящим под радугой рядом с чернокудрой крылатой красавицей? И море вокруг?

Но думать она им не дала.

— Ну вот, — сказала она, вскакивая, — а ты-то думал... боялся еще... ну, пошли!

Она взлетела и унеслась далеко по морскому берегу, и там, прыгая то над водой, то над сушей, звала, махая рукой. Мистер Томпкинс подбежал к друзьям, схватил Профессора за руки и помог встать.

— Что это было? — сказал Профессор. — Вы что-нибудь знаете, мистер Томпкинс?

— Пойдемте скорее, — сказал мистер Томпкинс, — Я вам потом все расскажу.

Сэр Ричард взял свой разряженный винчестер, подержал в руках, посмотрел на море и перекинул ремень через плечо. Мистер Томпкинс, видя это, вдруг совершенно и окончательно успокоился. Так странно было видеть сэра Ричарда безоружным; а теперь все стало на свои места. Он тоже собрал рассыпанные стрелы.

— Мы заставляем дожидаться весьма могущественную особу, — сказал сэр Ричард.

Могущественная особа не скрывала своего нетерпения. Она вернулась и танцевала вокруг них. Впрочем, она одобрила их вооружение.

— Это хорошо, - сказала она, — а то мало ли...

На ее лице, подвижном, как целая планета бурь, сияла такая радость, такое предвкушение торжества, словно она приготовила замечательный сюрприз и спешила его скорее показать новым знакомым.

— Пойдемте же, — звала она.

— Куда? — сказал Профессор.

Она даже остановилась. Ее брови картинно изогнулись, глаза округлились. Она была воплощенное изумление.

— А сами-то, — сказала она, — вы, что же, сами не знаете, куда идете? Сюда-то вы как... ведь пришли ведь?.. ну вот, и идем...

И опять унеслась по берегу. И они пошли за ней.

Остров при ближайшем рассмотрении оказался не островом, а мысом, так что идти было куда. Они шли сначала между морем и песком, потом между морем и цветущим садом. Потом свернули по тропинке в сад. Цветущие деревья стояли на траве, как стая белых длинноногих птиц, так близко к морю, что высокая волна должна была заливать их по колено. Так и было; в траве среди цветов пестрели раковины. Деревья стояли просторно, ветер их раскачивал, между ними летали чайки. Дальше от моря берег поднимался, деревья становились гуще, пышнее. Многие из них плодоносили; иные были украшены цветами и плодами одновременно. Вскоре деревья, кустарники и оплетающие их лозы образовали живые стены, арки, своды и навесы. Трое путников двигались среди сплошной массы листьев, цветов, птиц, виноградных гроздьев, персиков и гранатов. Они несомненно потерялись бы в этом лабиринте, если бы не их прекрасная проводница. Для нее, конечно, перемещаться с такой скоростью, с какой ходят люди, было чистое мученье, и она по пути развлекала себя, чем могла... Она пряталась между деревьями, выскакивала снова, взлетала и уносилась вперед — и пела не переставая, то мурлыкала, то во весь голос, начиная песню и бросая на полуслове.

*Люты преврати мне печали в радость
Горести в сладость*

Как хороши, как свежи были розы! Как благоухали яблоки! Как звенели цикады! И пчелы висели золотой сеткой, и траурные бабочки слизывали сок лопнувших плодов! Вспугнутые птицы сыпались сквозь листья, словно горсть камешков. Внезапно непоседливое существо оказывалось прямо перед ними с огромной румяной розой в руках. Повертев этой розой перед носом мистера Томпкинса, она томно произносила:

Ах, вы сами в сказке, рыцарь, вам не надо роз...

И опять исчезала, и в ветвях, изнемогающих под бременем сладостной ноши, мелькали черное руно и радужные перья. Казалось порой, в густоте лиственных и цветочных ковров мелькали разрывы, и сквозь них виднелись боковые аллеи, светлые луга, неподвижные зеркала вод и вертикальные водяные струи — то ли фонтаны, то ли водопады. И вообще может быть это все была игра лучей в листве. Остановиться, оглянуться не было возможности. Причудница не ждала, да еще и дразнилась

*Милый мой Не ходи за мной
Уста-анешь*

И они должны были спешить по следу вьющегося в травах хвоста.

Первым шел мистер Томпкинс, вторым Профессор, сэр Ричард замыкающим.

Переговариваться они не могли: воздух дрожал от птичьего гама. Каждая ветка верещала, звенела, рокотала и свистела на тысячи ладов. И этот звонкий шум сливался в чудесную гармонию с одним упоительным голосом:

*Конфетка моя незакушенная
Сердечко мое незасушенное...*

Вдруг она появилась прямо перед ними. Все остановились. Она казалась серьезной. Внимательно и задумчиво она посмотрела каждому в лицо. И, видимо, решилась. — Вот что, — сказала она, — здесь пока побудьте, ладно? И взвилась вверх. И сверху донесся голос

Не ищи любовь, она потеряна

И все стихло. Щебет птичий умолк. Теперь, стоя спокойно на месте, они видели между деревьями широкие просветы, в которых открывались чудесные перспективы. Слева сад взбегал на холмы, справа спускался в долину, где среди деревьев извивались голубые реки и желтые дороги. Свежий ветер, повеявший из долины, разогнал густой, обволакивающий аромат созревших плодов и меда. Легкий ветер тревоги и надежды шелестел листьями и сыпал лепестки, и он позвал трех путников повернуться к себе лицом и покинуть роскошные древесные чертоги. Трое усталых путников, не сговариваясь, шагнули в проемы между стволами и вышли на край поляны, откуда долина была видна вся, до венчающих ее синих гор. Здесь, на этой поляне, начиналась выложенная камнем дорожка, сбегавшая вниз, к реке. У начала дорожки стояли солнечные часы и лежала большая каменная плита. Перед этой плитой на камне поменьше сидела женщина в розовом просторном одеянии. На большой плите была начерчена сетка из девяти квадратов и стояли несколько грубых глиняных фигур. Женщина играла сама с собой в какую-то игру. Она сидела к ним спиной, опираясь локтем о колено и опустив голову на руку. Они видели склоненную длинную шею и коротко подстриженный затылок. Вот из-за этих стриженных волос они ее и не узнали сразу.

Женщина протянула руку, прикоснулась к одной фигуре, застыла в раздумье, но не передвинула фигуру. Она осторожно убрала руку и опустила на плиту рядом с игрой.

— Каролина, — негромко позвал сэр Ричард.

Она обернулась, увидела их и вскочила. Стриженная, она казалась старше и красивее, чем при последней встрече. Розовая нежная ткань, струясь вдоль стройного крепкого тела, чуть развевалась от легкого ветра из долины. Счастливыми глазами она смотрела на троих сожженных солнцем, полуголых мужчин.

— Как я рада, что вы здесь, — сказала она. — Ну, идем?

Она повернулась, чтобы идти — но не по дорожке — движением руки приглашая их за собой. Но они не двинулись с места, и Каролина остановилась.

— Вы ее не ждете, — сказала она, — она уж давно про вас забыла.

Профессор не выдержал.

— Кто ОНА, мадам? — спросил он.

Каролина задумалась, склонив голову к плечу. Потом улыбнулась.

— Она — Всем Соперница, — торжественно сказала Каролина.

— И вам тоже? — спросил мистер Томпкинс. Он не хотел ничего спрашивать, но так у него получилось.

Каролина засмеялась.

— Идемте, — сказала она.

— Но... куда? — сказал Профессор.

— Куда? — удивленно повторила Каролина. — А разве вы не видите?

И они увидели. Но это уже совсем другая история.